

Санкт-Петербургский государственный университет

Направление: «Востоковедение и африканистика»

(58.03.01)

Бителев Савелий Олегович

**ОСВОЕНИЕ АРАБСКИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ И
ТОРГОВЦАМИ ВНУТРЕННИХ РАЙОНОВ АФРИКИ (X - XIX вв.)**

Образовательная программа: История арабских стран

(арабский, иврит / турецкий / персидский языки)

Выпускная квалификационная работа бакалавра

Научный руководитель: д.и.н., проф. И.В. Герасимов

Рецензент: к.и.н., ст.преп. А. С. Зданевич

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение: с. 3 — 5

Основная часть: с. 6 — 69

Глава 1. Общая характеристика источников по истории Африки южнее Сахары:
с. 6 - 8

Глава 2. Хронология развития Восточной Африки от первобытнообщинного
строя до португальской колонизации: **с. 9 - 19**

Глава 3. Восточная Африка в период португальского господства (начало XVI в. -
конец XVII в.): **с. 20 - 33**

Глава 4. Возобновление арабской активности в Восточной Африке под эгидой
Омана (XVIII в.): **с. 34 - 39**

Глава 5. Установление прямого управления Омана над прибрежными городами
Восточной Африки при Са'иде ибн Султане: **с. 40 - 51**

Глава 6. Интенсификация деятельности оманцев во Внутренней Африке (XIX
в.): **с. 52 - 64**

Глава 7. Установление независимости Занзибара и других восточноафриканских
территорий от Маската и их переход под контроль европейских держав:
с. 65 - 69

Заключение: с. 70 — 72

Литература и источники: с. 73 — 76

Введение

Африканский континент представляет собой наименее изученное поле научной деятельности. Многообразие флоры и фауны, распространение сотен различных языков, существование колоссального количества этнических групп привлекает интерес исследователей. Дать ответы на актуальные вопросы развития Африки, равно как и пролить свет на характерные особенности последней призвано востоковедение. Комплекс научных дисциплин, связанных с ней, рассматривает широкий спектр тем и проблем.

На протяжении истории разным этносам Африки, как и прочим народам в иных уголках земного шара, приходилось контактировать с пришлым элементом. В большинстве случаев подобного рода взаимодействие носило негативный и скорее даже деструктивный характер. Так, в памяти многих африканцев остались трагические и весьма жестокие страницы колониального присутствия западных держав. Бесконтрольная работорговля, повсеместная эксплуатация природных и людских ресурсов и насильственное обращение в христианство являются лишь некоторыми из особенностей европейской колонизации Африки. Вопросы, связанные с влиянием некоторых стран Европы на ход развития африканского континента, широко освещаются в разных источниках информации и являются важным предметом дискуссии для специалистов.

Однако роль арабо-мусульманского элемента в исторических процессах, имевших место в разных районах Африки, отходит на второй план. Наследием вековых контактов арабов с местным населением стали государства Северной и Западной Африки, а также страны Сахеля, где основной религией является ислам.

Существует достаточное количество источников, в которых изложены основные вехи исламизации упомянутых земель вкупе с распространением в них достижений арабо-мусульманской цивилизации. Ознакомиться с ними можно в библиотеках и рукописных фондах Тимбукту, Дженны, Кано,

Сокото, Феса и Кайруана.

Доподлинно известно, что арабы оманского и йеменского происхождения оставили свой исторический след на побережье Восточной Африки.

Подтверждение арабского влияния можно обнаружить практически во всех аспектах жизни жителей и в архитектуре многих стран региона.

В данном контексте представляется логичным оценить роль, которую могли потенциально сыграть арабские путешественники и торговцы в ходе освоения внутренних районов Африки.

Актуальность и новизна подобного исследования обусловлена ограниченным набором сведений касательно присутствия арабов в этой части континента. Стоит добавить, что сюжеты, имеющие отношение к побережью Восточной Африки, привлекают внимание бóльшего числа специалистов ввиду сохранившихся памятников арабо-мусульманского прошлого, регулярных археологических раскопок и наличия соответствующей литературы и источников.

Целью выпускной квалификационной работы является определение степени влияния арабских путешественников и купцов на уклад жизни этносов, населявших глубинные районы Африки с X по XIX в. Для этого в работе подробно и в хронологическом порядке рассматриваются исторические события и общие закономерности развития, применимые к территориям нескольких современных стран континента. Информация о последних будет базироваться на сведениях из литературы и источников на русском, английском, немецком и арабском языках.

В рамках поставленной выше цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить характер арабо-мусульманского присутствия в центральных районах Африки
- 2) выявить основные закономерности влияния арабских переселенцев на развитие местных этнических групп

- 3) ознакомиться с деятельностью людей арабского происхождения, внесших свой вклад в освоение региона

Основная часть

Глава 1. Общая характеристика источников по истории Африки южнее Сахары

Принято считать, что у Африки южнее Сахары (Тропической Африки) нет собственной истории ввиду недостаточности документов и сведений вплоть до XIX в., которые относятся к этому региону. Как представляется, подобного рода утверждение вполне резонно.

Однако если мы предпринимаем попытку обратиться к историческим сюжетам Тропической Африки, то необходимо учитывать, что специалисты довольно часто пренебрегают немногочисленными старинными источниками. Как итог, отсутствие интереса к региону служит объяснением столь малого объема информации относительно его истории.

Известно, что источники по африканской истории делятся на четыре категории. Первые две — письменные и устные — являются результатом труда человека. Это обстоятельство хоть и придает им определенное содержание, но вместе с тем добавляет субъективность суждений. Две другие категории — археологические и социологические — имеют противоположное свойство: они носят объективный характер. Социологические источники представляют большую ценность, но они ограничены в использовании, тогда как область применения археологии поистине обширна.

Значительная часть немногочисленных документов по Африке южнее Сахары, принадлежит перу разных выдающихся ученых мусульманского мира. Этот факт объясняется двумя взаимосвязанными причинами: с одной стороны, большим масштабом контактов арабов и персов с остальным миром, что обусловлено их динамизмом и жадностью открытий, а с другой — их географической близостью к Тропической Африке. Так, Сахара, Красное море, Индийский океан были не столько преградами, сколько контактными зонами. Подобные связи могли породить разные письменные свидетельства на арабском

и в меньшей степени на персидском и турецком языках.

Наиболее известные и содержательные источники относятся к историкам, географам, путешественникам. В их числе труды Ибн Хаукала, Ибн Халдуна, Ибн Баттуты, ал-Бакри и других авторов [9, с.95-96].

После XV в. источники мусульманского происхождения утратили свою многочисленность. В контексте Восточной Африки их число стало весьма скудным, но оно осталось значительным для Западного и Центрального Судана. Эти источники содержат информацию о политических событиях, сведения экономического и географического характера, а также записи, которые можно считать этнографическими.

В этот пласт источников, прослеживаемых от Магриба до Ирана, входят еще далеко не полностью изученные данные, которые фигурируют в литературных источниках, юридических и административно-практических сборниках, повествовательных источниках (наподобие местных хроник и биографических словарей, принадлежавших перу ученых, морских лоций, карт и заметок, составленных со слов людей разного происхождения), а также в архивных документах во всех их проявлениях, а именно корреспонденции наряду с деловыми, юридическими и политическими документами.

Эти документы, содержание которых зачастую вовсе не известно, находятся в рукописных фондах западных стран или в аналогичных хранилищах мусульманского мира, а также в частных собраниях. Документы такого рода затрагивают не столь значимый период, но они относятся к более обширной территории. Они появились в мусульманской части Эфиопии, в районе Африканского Рога, на восточном побережье Африки и прилегающих к ней островах, в долине Нила, по всему периметру исторического Судана.

В тех случаях когда подобные источники составлены на арабском языке, они относятся к народностям, которые в повседневной жизни уже использовали это язык как средство общения. Зачастую рассматриваемые источники создавались в просвещенной части мусульманского населения Тропической Африки, среды в культурном отношении двуязычной или многоязычной.

Важно добавить, что на основе арабской письменности в разное время появились очерки на некоторых африканских языках. С точки зрения числа произведений и их безупречности особняком стояли три языка: фула, хауса и суахили.

В контексте рассматриваемых исторических вопросов такие произведения можно отнести к нескольким большим категориям. Их начальную часть составляют сочинения исторического характера: списки или генеалогии правителей, повествовательные хроники (суданские хроники на арабском языке и восточноафриканские хроники на арабском языке или на суахили), биографии образованных или благочестивых людей и др. Далее идут деловая или частная переписка, большую часть которой составляют документы, содержащие информацию о пожаловании имущества, даровании привилегий или предоставлении освобождения от повинностей. За двумя упомянутыми категориями следуют труды юридического или религиозного содержания, литературные сочинения, которые могут заключать в себе особенности предыдущих категорий и разного рода надписи.

Часть этих источников была использована уже в XIX в., однако их изучение и использование приобрело более осмысленный характер лишь в 50-х годах прошлого века.

В настоящий момент эти документы находятся либо в европейских хранилищах, в которых они оказались различными путями, либо в общественных или частных хранилищах стран мусульманского мира, либо главным образом у образованных и знатных представителей стран Африки южнее Сахары.

Глава 2. Хронология развития Восточной Африки от первобытнообщинного строя до португальской колонизации

Считается, что народы, занимавшиеся охотой и собирательством, принадлежали к археологическим культурам каменного века и преимущественно к уилтонской культуре, откуда возникло предположение, что они были бушменами. Последнее подтверждают скелетные останки, обнаруженные на стоянках в Сомали и на северо-востоке Танзании.

Вне зависимости от первоначального населения Восточной Африки, ее побережье уже с I тысячелетия до н. э. привлекало торговцев из дальних стран. Так, в лоции для моряков Александрии, имеющей название «Перипл Эритрейского моря», которая предположительно датируется началом II в. н. э., отмечается существование давней торговли слоновой костью, рогами носорогов и панцирями черепах [9, с. 308]. Ею занимались торговцы из Южной Аравии, которые были осведомлены о побережье Восточной Африки вплоть до р. Руфиджи на юге. Наряду с осуществлением торговли пришельцы из Аравии женились на местных женщинах и говорили на их языке.

Упоминание о том, что местные жители выходили на рыбную ловлю в шитых лодках, могло означать, что побережье уже было освоено людьми, прибывшими по морю из Индонезии и составившими первоначальное население Мадагаскара. Можно полагать, что этнические группы индонезийского происхождения встречались вдоль всей прибрежной части Восточной Африки и что они были поглощены местным населением. Примечательно, что в «Перилле Эритрейского моря» нет ни одного явного указания на чернокожее население восточноафриканского побережья [9, с. 310].

Когда дело касается средневековой истории Восточной Африки, необходимо принимать во внимание многовековую изолированность побережья от внутренних районов. Такой вывод можно сделать на основе исторических данных, находящих свое отражение в современных письменных документах, устных преданиях и археологических находках.

Начиная с I в. н.э. торговцы из разных портов Индийского океана могли добраться до побережья Восточной Африки, пользуясь муссонными ветрами, действовавшими на протяжении шести месяцев с северо-востока на юго-запад, а в течение оставшейся части года — с юго-востока на северо-запад.

После того как в V в. были прерваны связи с греками, область, охваченная торговлей с заморскими купцами, в течение последующих двенадцати веков ограничивалась территорией, простиравшейся не более чем на 160-230 км. от побережья [9, с. 311]. Однако даже в этих землях связь с внешним миром носила ограниченный характер. В этой связи вплоть до XIX-XX вв. бантуязычные народы региона значительно отставали от прибрежного населения в социальном отношении.

Стоит отметить, что в Африке южнее Сахары не возникло своей письменности, и большая часть данных об этом регионе дошла до нас из арабских источников. Любой такого рода средневековый источник, касающийся истории восточноафриканского побережья, содержит лишь общую характеристику населения внутренних районов. Можно полагать, что число местных жителей в течение всего средневековья было весьма немногочисленным. Очаги их расселения были еще невелики и рассеяны на большом пространстве, а переход от охоты к земледелию проходил крайне медленно. В это же время прибрежное население представляло собой особую социально-экономическую среду и базировалось на рыболовстве, зачатках земледелия и интенсивной торговле с разными уголками Индийского океана.

В X в. ал-Мас'уди посетил один из островов в Индийском океане, дав ему наименование Канбалу, и сообщил, что между 747 и 754 гг. он был захвачен арабами из племени 'азд. Они обратили африканцев в рабство и переняли их язык. Весьма вероятно, что под словом Канбалу подразумевается современный Занзибар или остров Пемба [9, с. 312].

Предположительно начиная с X в. вся территория современной Танзании и Кении была по большей части заселена африканцами, которых можно отнести к бантуязычному населению. В сочинениях преемников ал-Мас'уди

наименование «зинджи» или «занджи» означает чернокожее население Восточной Африки, заселившее земли от Южного Сомали до Южного Мозамбика. «Зинджами» также называли рабов из Восточной Африки, которые начиная с VII в. встречались в Ираке, на Яве и в Китае.

По всей вероятности представители смешанного арабо-африканского населения в период между годами жизни Птолемея и первого путешествия ал-Масуди в Восточную Африку обосновались к северу от Мозамбика, постепенно снижая численность жителей кушитского и индонезийского происхождения. Быстрому развитию их поселений способствовали традиционные навыки и знания, применяемые ими в рыболовстве и строительстве пирог.

Считается, что первые выходцы с Аравийского полуострова и Персии появились на берегах Восточной Африки в VII веке [41, р. 7-8]. Это было связано с зарождением ислама в Аравии и последовавшими за этим событиями. Пророк Мухаммад родился в 570 году, в «год слона». В то время правитель Аксумского королевства, расположенного на территории современной Эфиопии — Абраха — напал на Мекку, но не смог захватить ее. Мусульманам, которых преследовали мекканские язычники, удалось найти убежище в христианской Абиссинии в 615-616 гг. Тогда арабы-мусульмане и обрели контакты с коренными жителями Африки.

Предание гласит, что второй праведный халиф Умар ибн ал-Хаттаб (634–644 гг.) отправил делегацию в различные восточноафриканские поселения, принявшие ислам. Успех этой миссии мог бы весьма рано положить начало исламизации Восточной Африки. Арабские хроники повествуют, что омейядский халиф Абд ал-Малик ибн Марван (685–705 гг.) послал войско для завоевания Могадишо и Килвы. Однако господство Омейядов, а затем и Аббасидов на восточноафриканском побережье подошло к концу в 805 г., когда Могадишо удалось создать независимый султанат.

Легенды, хроники прибрежных городов и труды арабских географов позволяют предположить, что первые мусульманские поселенцы волнообразно

прибывали из Персидского залива на протяжении нескольких столетий. В отличие от североафриканских арабов, проникавших в Судан, арабо-персидские переселенцы соседствовали с африканцами, брали жен и наложниц из числа автохтонного населения, нанимали себе прислугу, устанавливали контакты с местными купцами и перенимали отдельные элементы африканской культуры. В результате в X–XII вв. образовалась смешанная арабо-африканская цивилизация под названием «суахили» (от араб. слова «сахель» – берег, мн.ч которого звучит «савахил») [30, р. 44]. Её центрами стали основанные арабами и персами, зачастую на основе уже существовавших поселений, города-государства, расцвет которых вплоть до появления португальцев в конце XV в. обеспечивался бойкой торговлей со странами Передней и Южной Азии, а с XV в. — с Китаем.

Муссонные ветра помогали арабским торговцам доставлять в далекие рынки такие товары как слоновую кость, рабов, прутья мангровых деревьев, гуммиарабик и золото. Обратное они привозили морские ракушки, ткани, фарфор и другую продукцию. Важно добавить, что основой сложившейся в то время торговой конъюнктуры было золото из Великого Зимбабве и Софалы.

Многие годы среди ученых прибрежных городов ведутся бурные дискуссии относительно «африканского» или «азиатского» происхождения их цивилизации и их национальной идентичности. Многие ученые склонны полагать, что расовые предрассудки привели к выделению западными авторами роли арабов и персов в развитии арабо-африканской цивилизации и в распространении ислама на восточном побережье Африки. В то же время современные работы имеют тенденцию подчеркивать африканский характер оседлой культуры и ислама в прибрежных городах. Примечательно, что среди народа суахили есть немало людей, которые идентифицируют себя как ширази, исходя из предполагаемого происхождения от правителей Шираза, поселившихся в Восточной Африке в X веке.

В начальную эпоху ислама персы и аравитяне, обосновавшиеся на восточноафриканском побережье, стали сооружать укрепленные поселения,

которые и составили фундамент самых влиятельных прибрежных городов. Развалины одного из наиболее ранних поселений находятся на острове Манда, располагающемся рядом с г. Ламу, и датируются IX в. [14, р. 270]. Вероятно, что арабо-персидские купцы чуть позднее обосновались на островах Пемба и Занзибар.

На протяжении нескольких столетий на картах побережья Восточной Африки появилось более тридцати городов. Среди наиболее известных из них — Могадишо, Пате, Ламу, Малинди, Геде, Пемба, Занзибар, Килва и Софала. Первые из прибрежных населенных городов формировались в период VIII–IX веков, а вершины своего расцвета они достигли в XII–XIV веках. Они никогда не объединялись в единое политическое образование, но в тот или иной период один из городов мог обладать бóльшим влиянием и богатством. В XII–XIII вв. подобную характеристику можно применить к Килве, в XIV в. – к Пате, в XV столетии – к Занзибару.

В течение второй половины I тысячелетия н. э. начинается освоение месторождений золота и меди, расположенных по всему родезийскому плато. Известно, что их добыча осуществлялась зимой, в мертвый сезон для земледелия. Рудокопы разместились за р. Лимпопо и в северной части плато Высокий Велд. В районе Трансвааля они добывали медь, а также олово. Однако отсутствуют достоверные данные как об их этнической принадлежности, так и об их языке.

Начиная с X в. родезийское золото вывозится в Индию, которая в обмен поставляла стеклянные изделия и хлопчатобумажную ткань. В роли посредников при торговых сделках выступали арабы, которые поселились около 957 г. в Килве а затем в Софале.

Начиная с XI в. Килва процветала как самое значимое исламское поселение на побережье суахили благодаря бойкой торговле с разными уголками Индийского океана, регионом Персидского залива и даже Китаем. В конце XIII в. власть в Килве перешла к новой династии, возможно имевшей корни в Южной Аравии. Она стала чеканить монеты с выбитым на них

рифмованным двустушием, подобные монетам из Бахманийского султаната, который располагался на юге Индостана. В начале XIV в. Килва захватила остров Мафия, где в результате раскопок были найдены богатые коллекции китайских изделий из синего фарфора, а также монеты, которые чеканили монгольские ханы в конце XIII и в XIV в.

В Килве располагался крупнейший порт на всем восточноафриканском побережье, превративший этот город в главный центр морской торговли. Торговые суда прибывали в том числе из Китая и Индонезии с ноября по март, когда муссонные ветры дули с востока в сторону Африки. Жители Килвы производили хлопчатобумажную ткань, арагонитовые бусы, мед и кокосы. Они продавали эти товары арабским и азиатским купцам в обмен на различные иностранные товары, такие как арабская керамика, стекло, китайский фарфор, хлопок и шелк. Торговцы с Ближнего Востока и Восточной Азии покидали Килву и возвращались домой, когда муссонные ветры изменяли направление. Они оставались там с апреля по октябрь.

Килва служила обменным пунктом для товаров из Азии и внутренних районов Африки. Она, как и ряд других прибрежных городов, приобрела более величественный облик, помогая глубинной части континента вести торговлю с иностранными купцами. Купцы из таких районов как Большой Зимбабве (англ. *Great Zimbabwe*) отправляли золото, слоновую кость, шкуры леопардов, зерно, металлы и рабов в Килву и другие города. Они транспортировали свои товары по крупным рекам, текущим на восток или пешим ходом.

Лежащие между Мадагаскаром и восточноафриканским побережьем Коморские о-ва с XII в. находились под властью Килвы, но ислам и его культурные черты обрели почву на островах еще раньше, а именно в конце I тысячелетия, когда афро-арабская цивилизация только формировалась. Важно добавить, что Маскаренские и Сейшельские о-ва в то время оставались необитаемыми [6, с. 850].

Принято полагать, что расположенный на архипелаге Ламу город Пате был основан в начале XIII в. правителем оманской династии Набханидов

(1406-1624 гг.). Об этом сообщается в местных преданиях, переизданных в начале XX в. Однако, как и в случае с соседними городами, археологи оспаривают хронологию событий, которая приводится в летописи.

Город Геде, старейшие сохранившиеся руины которого датируются XIII в. и который мог отделиться от Малинди в XII в., находился в 5—6 км от побережья. Его благополучие поддерживалось земледелием и морской торговлей. На протяжении нескольких веков в Геде шла интенсивная торговля. В числе выявленных находок оказались золотые и серебряные украшения, китайский и арабский фарфор, стекло, монеты разного достоинства, а также посуда для хранения и приготовления пищи. Результаты археологических экспедиций свидетельствуют о том, что это был крупный город по меркам того времени. Раскопки в Геде начались в конце 1930-х гг., а в 1948 г. появилась первая публикация британского археолога Джеймса Киркмана по этой теме [39, р.3]. В ходе работ удалось обнаружить множество строений: городскую стену, ворота и башни, мечети, жилые дома, некогда роскошный дворец султана, а также развитую систему колодцев и бассейнов.

Занзибар сохранял статус независимого султаната. В XIV и XV вв. он накопил достаточно денежной массы, чтобы чеканить собственную монету.

Арабы, которые обосновались в Софале, были посредниками между населением внутренних районов и купцами Килвы, Момбасы и Малинди до прихода португальцев. Эти купцы продолжали доставлять в Софалу индийские хлопчатобумажные ткани и изделия из стекла. Продавая африканцам эти товары за золото, торговцы Софалы получали прибыль в размере сто к одному, как об этом упоминал один португалец в 1518 г. [9., с. 332].

Одним из самых известных авторов произведений, в которых содержалось описание Восточной Африки, прослыл путешественник из Танжера Абу Абдаллах Мухаммад Ибн Баттута (1304-1377 гг.). Он был автором легендарного труда «Подарки созерцающим о диковинах городов и чудесах путешествий» (араб. تحفة النظار في غرائب الأمصار وعجائب الأسفار). Ибн Баттута

путешествовал в районах верховьев Нила, побывал в восточноафриканских городах и на острове Занзибар, а также посетил Западную Африку, в частности земли в долине р. Нигер и знаменитый Тимбукту. Его описания были знакомы современникам, включая европейцев, что дало последним объем полезной информации при составлении Каталонского атласа в 1375 году.

Большой интерес вызывают заметки Ибн Баттуты о посещении Килвы в 1332 году. Он отправился туда после визитов в Могадишо и Момбасу. Ибн Баттута отметил, что большинство жителей были чернокожими и имели на лицах надрезы. Также на него произвели впечатление изысканные деревянные строения Килвы. Странствующий купец упомянул набожность местного населения и его приверженность шафиитскому мазхабу. Последнее, было связано с соседством Килвы с «землями неверных зинджей» [8, с. 80].

В Килве мусульманские гробницы и каменные мечети были возведены впервые в XII-XIII вв. Другая каменная мечеть находится в Могадишо, где две городские мечети сохранились с XIII в. Свидетельством персидского присутствия служит надпись в одной из этих мечетей, которая указывает на имя ее строителя. Последнего звали Хосров ибн Мухаммад аш-Ширази. Более того, один из древних кварталов Могадишо носит персидское название «банадэр» (рус. порты). Оно применимо и для наименования современной административной единицы, центром которой и является Могадишо [27, р. 5].

Самая древняя мечеть к югу от Могадишо находится неподалеку от г. Кизимкази. Ее строительство датируется 500 г. по хиджре (1107–1108 гг.). Эта дата следует из куфической надписи, которая свидетельствует, что шейх ас-Сайид Абу Амран ал-Хасан ибн Мухаммед отдал приказ о строительстве мечети 27 июля 1107 г. [9, с. 313].

Исследователи полагают, что до 1300 г. мусульманское население на восточноафриканском побережье не было многочисленным [29, р. 211]. С конца XII в. по XVI в. позиции ислама постепенно росли за счет бойкой торговли вдоль всего побережья. Этот период оставил богатое наследие, представленное мечетями, захоронениями и великолепной архитектурой.

Прибрежные города как Ламу, Геде, Момбаса и Малинди обрели величественные сооружения из кораллового известняка, составившие основу «каменных городов» (англ. *Stone Town*). Тогда же духовные наставники из Йемена в районах современного Сомали распространили учение Кадырии, первого суфийского ордена, действовавшего в Восточной Африке.

В то же самое время торговля в бассейне р. Замбези переживала расцвет. Доходные поступления от последней позволили закупить такие ткани, богатые украшения и инкрустированную слоновой костью мебель, которые впечатлили португальцев, когда они впервые добрались до Восточной Африки и осматривали красоты Килвы, Момбасы и Малинди.

По мере все большего числа прибывавших переселенцев население побережья стало носить более смешанный характер. Тем не менее оно было в значительной степени подвержено мусульманскому влиянию: иммигранты доминировали в экономической жизни побережья Восточной Африки и в основном исповедовали ислам. В то же время прибрежные города поддерживали регулярные контакты с другими мусульманскими городами-государствами Индийского океана. Среди наиболее влиятельных людей в восточноафриканских городах того времени были как мусульмане, так и представители других конфессий. Однако при принятии важных общественных решений голос мусульман имел определяющее значение.

Правители, чиновники и торговцы составили ядро значительного мусульманского населения. В этническом отношении его можно считать скорее африканским, нежели арабским. Так, каждый переселившийся араб покупал африканских наложниц и рабов, труд которых он использовал в домашнем быту и на сельскохозяйственных работах. Все большая часть местного населения оказывалась ассимилированной и образовывала новый смешанный этнос. Его письменным языком оставался арабский, но разговорным языком безусловно был суахили. В нём грамматика и лексика из языков банту сочетаются с большим количеством слов, заимствованных из арабского [9, с. 314-315].

Также можно констатировать синтез социально-политического и культурно-бытового уклада. Например, политические традиции, порядок наследования власти, некоторые нормы обычного права, система родства и тип женской одежды относились к моделям африканской цивилизации, в то время как религиозная составляющая и вытекавший из нее жизненный уклад, значительная часть юридических норм, письменность языка суахили, календарь, некоторые формы фольклора, архитектурный стиль городов и тип мужской одежды были результатами арабского присутствия в Восточной Африке.

Побережье Восточной Африки зачастую служило прибежищем для людей из разных ветвей шиизма и хариджизма. Тем не менее доминирующей формой ислама являлся суннизм, где определенные кланы арабского происхождения формировали религиозную аристократию, заодно монополизировав религиозные функции и образование.

Многие местные рода заявляют об арабском происхождении, в частности из района Хадрамаут на юго-востоке Йемена. Влияние хадрамитского элемента весьма ощутимо в Восточной Африке. Оно проявляется в фамилиях, преобладании шафиитского мазхаба, сакральности генеалогии, восходящей к пророку Мухаммаду, а также наличию духовных связей, которые раньше побуждали многих африканцев из прибрежных городов отправляться с целью религиозного обучения в Хадрамаут. В XII в. вдоль морских торговых путей возник ряд мусульманских султанатов, центрами которых были Могадишо, Марка и Барауа. По мере роста числа прибрежных мусульманских поселений такие города как Ламу, Пате, Момбаса и Килва фактически превратились в отдельные мини-государства. Зачастую ими управляли влиятельные кланы, заявлявшие о своем арабском происхождении.

Для Восточной Африки вплоть до XIX в. характерно существование двух отдельных социокультурных ареалов — зоны арабо-африканской традиции, протянувшейся узкой полосой вдоль Индийского океана между современным Сомали и Мозамбиком, и не затронутой арабо-мусульманским влиянием

области Великих Африканских озер.

В конце XV в. дополнительным показателем усиления различий между побережьем и Межозерьем стало появление в прибрежных городах европейцев. Во внутренние районы европейские колонизаторы и арабы проникли только в середине XIX в. Надо заметить, что Межозерье отличалось от почти всех историко-культурных областей Африки слабостью торговых связей даже с соседними регионами, по крайней мере до XVII в.

Однако в отношении всей Восточной Африки можно говорить об общих признаках, определявших социально-экономическое развитие. Среди них следует отметить первостепенную роль общины на всем протяжении континентальной истории вплоть до наших дней, а также отсутствие в предколониальный период «земельного голода» – наличие при низкой плотности населения огромных площадей земли, доступных для освоения охотникам-собираателям, скотоводам и земледельцам.

Глава 3. Восточная Африка в период португальского господства (начало XVI в. - конец XVII в.)

В середине XV века в развитии Восточной Африки появился новый определяющий фактор – европейская колонизация. Начало ей положила Португалия, которая раньше других европейских держав обзавелась владениями в Африке. Самыми крупными из них были Мозамбик и Ангола. Однако в первые годы XVII в. у неё появляются соперники, сильнейшими из которых поначалу были Нидерланды. С середины столетия значительно возрастает роль Великобритании и Франции. Проводниками интересов в регионе стали торговые компании, учрежденные коммерческим кругами Лондона и Парижа. К концу XVII в. французы закрепились на территории современных Сенегала и Кот д'Ивуара, а англичане – Гамбии, Сьерра-Леоне и Ганы. Стоит отметить, что в XV–XVII вв. присутствие европейцев сопровождалось не колониальной, а торговой экспансией. Последующие два столетия ознаменовались борьбой за Африку между европейскими державами, в которой наиболее сильные позиции имели именно Великобритания и Франция.

К активным действиям в Восточной Африке португальские колонизаторы перешли на рубеже XV-XVI веков.

В 1497 г. Васко да Гама получил распоряжение от короля Португалии Мануэля I отправиться с небольшим флотом в Индию и учредить там торговые поселения. Флотилия обогнула мыс Бурь, или мыс Доброй Надежды, как его потом стали называть мореплаватели, желая задобрить судьбу.

Под рождество Васко да Гама достиг местности по другую сторону мыса, которая вследствие периода открытия получила наименование Натал (порт. *Natal* — рус. *Рождество*). В 1498 г. Васко да Гама и его команда, добравшись до восточного побережья Африки, неожиданно для себя обнаружили богатые и процветающие торговые города.

По ходу плавания португальцы также заходили в Килву, Момбасу и Малинди. В этих городах Васко да Гама пытался узнать у местных жителей

варианты путей до Индии. Относительно этих событий в хронике сообщаются следующие сведения о португальских иноземцах: «Когда народ Малинди их узрел, понял он, что несут они войну и гибель, и пришел в великое уныние. Им дали все, что они просили, — воду, древесину, дрова и прочие вещи. Франки, однако, потребовали кормчего, чтобы тот повел их в Индию и обратно, в их страну, да будет она проклята» [7, с. 73]. По всей вероятности, Васко да Гама получил кормчего. Им оказался никто иной, как Ахмад ибн Маджид, известнейший мореход и автор нескольких трудов по морскому делу из Рас-эль-Хаймы.

Впоследствии флотилия Васко да Гамы пересекла западную часть Индийского океана и 20 мая 1498 г. прибыла в Каликут, значимый торговый город в Индии, являвшийся промежуточным пунктом на перекрестке морских путей из Восточной Африки в главные страны Азии. Как итог, король Мануэл I официально сообщил, что его флот обогнул Африку и благополучно добрался до Индии. Он с согласия папы римского наделил себя титулом «владыки Гвинеи и ее земель, владыки судоходства и торговли с Эфиопией, Аравией, Персией и Индией».

В 1502 г. Васко да Гама вновь подобрался к берегам Восточной Африки. Он вторгся в Софалу, а правителя Килвы, одного из крупнейших торговых городов, заставил ежегодно выплачивать дань португальской короне. Через год данником Португалии стал и Занзибар. В 1505-1507 гг. португальцы приступили к сооружению постоянных крепостей в Софале, где неоднократно останавливались их корабли на пути в Индию, а также в Килве и Момбасе. Таким образом они стремились прервать гегемонию арабо-суахилийских торговцев в районе восточноафриканского побережья. Софала, Килва, находящаяся на острове, Момбаса и некоторые другие города были осаждены, разграблены и сожжены. На Ламу португальцы наложили дань, а в 1509 г. в Малинди построили факторию.

За исключением Малинди, где позднее местные жители объединились с правящей династией в борьбе с соседней Момбасой, а также Могадишо, находившегося вне зоны колониальных интересов, португальцы подчинили себе все основные города на восточноафриканском побережье.

В 1541 г. флот португальцев дошел до Могадишо. Тогда же они оказали помощь негусу Эфиопии в борьбе против турок, заключивших ранее союз с султанатом Адаль. На подмогу эфиопским христианам выслали 400 солдат под командованием Кристофера да Гамы. В 1541-1543 гг. португалско-эфиопские силы отразили наступления турок [37, р. 19]. Эфиопия была спасена от мусульманских захватчиков.

Восточноафриканское побережье на первых порах должно было служить промежуточным звеном португальских коммуникаций по направлению к Индии. Оснащенное целым рядом военно-морских баз и торговых факторий, оно составляло часть системы торговых и военных стратегических пунктов Португалии, простиравшихся от Адена, Персидского залива, западного побережья Индии и о-ва Шри-Ланка до Малакки и Молуккских островов.

Из всех покоренных земель в западной части Индийского океана португальцы закрепились лишь в Гоа, находящемся на юго-западе Индостана, и Мозамбике, расположенном на юго-восточном побережье Африки. По всей акватории Индийского океана и Персидского залива они соорудили форты и установили в них гарнизоны. В частности, в 1593 г. с целью защиты от турецких пиратов на Красном море в Момбасе был сооружен Форт Жезус. Вплоть до 1698 г. португальцы представляли собой главную внешнюю силу в Восточной Африке, что правда постоянно оспаривалось местным арабо-африканским населением и оманскими мореплавателями.

Арабо-африканская цивилизация на побережье Восточной Африки после своего расцвета в XIII–XV вв. вступила в эпоху упадка, связанного с установлением португальского владычества. Появление Лиссабона на африканском побережье Индийского океана привело к разложению сложившейся системы торговли. В стремлении монополизировать эту

ключевую для арабо-африканского населения отрасль португальцы не гнушались неоднократно разорять восточноафриканские города. Они стали действовать таким образом с 1505 г., когда захватили Софалу и перенаправили торговлю слоновой костью и золотом в метрополию и в Гоа.

Изгнав арабов из Софалы, португальцы предлагали африканцам льняные и шерстяные ткани из Европы, но те не были в них заинтересованы и продолжали закупать индийские хлопчатобумажные ткани. Как итог, португальские захватчики закабалили торговлю Софалы. Однако арабские купцы продолжили сбывать необходимые товары благодаря жителям, населявшим родезийское плато по р. Замбези, и через порт Ангоше в северной части современного Мозамбика. Потеряв значительную часть доходов, португальцы согласились пойти на уступки и разрешить импорт индийских тканей.

В первой трети XVI в. португальские колонизаторы вытеснили арабов из бассейна р. Замбези и учредили фактории в Сене и Тете. Отныне вся португальская торговля осуществлялась по р. Замбези. Это привело к окончательному забвению Софалы, откуда в 1512 г. португальцы вывели свой гарнизон, а конце XVI в. вывозилась только слоновая кость.

Покоренная в том же году Килва, которая прежде имела статус одного из самых состоятельных прибрежных городов, также оказалась за пределами новых торговых путей и быстро пришла в запущение.

Моряки Франсишку ди Алмейды оставили описание Килвы. Его автором считают Ганса Майра – немца, служившего на стороне португальцев. Пришвартовав к берегам Килвы восемь кораблей, португальцы потребовали, чтобы к ним явился правитель города, но он откупился данью лишь в пять коз, маленькую корову, а также большое количество кокосовых орехов и фруктов (вместо положенных 1 500 унций золота). В ответ португальцы вышли в город и захватили его, подвергнув масштабному разграблению. Правда, правителю Килвы удалось спастись бегством. Майр обрисовывает Килву следующим образом:

«В Килве много больших домов в несколько этажей в высоту. Они построены из камня с известковым раствором и украшены различными узорами из гипса... На острове и в городе живет 4000 человек. Страна очень плодородна: там... производят масло, собирают мед и воск...

И на острове и на континенте много деревьев и пальм... Там растут сладкие апельсины, лимоны, овощи, мелкий лук, душистые травы. Все это – в садах, орошаемых водой из колодцев. Также выращивают бетель. Его листья жуют богатые арабы...

Здесь больше черных рабов, чем белых мавров: они используются на полях для сбора кукурузы и для другой работы... Много кораблей, размером с 50-тонную каравеллу и более маленьких... На них нет парусов... Они плавают в Софалу, расположенную в 255 лигах.

Отсюда вывозят флаконы с хорошими духами, много самых разных стеклянных изделий и все виды товаров из хлопка, благовония, древесную смолу, золото, серебро и жемчуг...

Люди вооружены стрелами и большими луками, крепкими щитами из пальмовых листьев, связанных хлопком, и лучшими пиками, чем у жителей Гвинеи. Мечей мы почти не видели. У них есть четыре катапульты для метания камней, но они еще не умеют использовать порох...

Рабы носят одежду из хлопка, которую обвязывают вокруг пояса, и она спадает до колен; остальное же тело остается голым. Белые арабы и рабовладельцы носят одежду из двух хлопчатых полотен: одно они обвязывают вокруг пояса, и оно спускается до ступней, другое перебрасывается через плечи и спадает до пояса» [5, с. 440-441].

Португальцам не удалось закрепиться на всем побережье Восточной Африки и превратить свои колониальные владения в центры оживленной торговли.

Восточноафриканские города, несколько раз пережившие разрушения и выплачивавшие постоянно огромную дань, не могли восстановиться за короткий срок. Этого не допускали колониальные губернаторы и

военачальники, а также могущественный военный флот португальцев . В то же время у Португалии не хватало ресурсов, позволявших на протяжении длительного времени удерживать под своей властью столь длинную береговую линию. Только на юге побережья — в Келимане, Софале, Мозамбике и в заливе Делагоа — были основаны прибыльные торговые фактории и имело место экономическое развитие.

Также португальцы не смогли поставить под свой контроль торговые отношения с заморскими странами, в том числе с Ост-Индией. Их торговым позициям на Красное море постоянно угрожали арабские и в некоторой степени венецианские купцы. Что касается Азии, то к торговле пряностями, которая поначалу носила монопольный характер для португальцев, пришлось допустить местных посредников.

Начало европейской колонизации Африки в XV-XVI вв. совпало с новой попыткой христианизации континента. Вместе с португальцами в Африку вошли римско-католические миссионеры. Благодаря деятельности последних католицизм со временем распространился в район впадины Конго, Анголу, Мозамбик, а также на остров Мадагаскар.

В ходе деятельности католических орденов значительное число африканцев было обращено в христианство. Однако на рубеже XVII-XVIII вв. местное население стало все реже переходить в религию европейских колонистов. Так, христианство практически исчезло из районов бассейна Конго и территории, известной как Родезия. Применительно к последней территории есть сведения о группе мусульманских купцов. Вероятно, что ислам распространялся в глубинные земли Восточной Африки вплоть к югу от Замбези, по крайней мере, в начале XVI века. В частности, в 1561 году мусульман можно было встретить в королевстве Момотапа [37, р. 21]. Однако сей факт нельзя считать причиной утраты позиций католических миссионеров во внутренней Африке.

Для этого были более очевидные следующие факторы. Прежде всего христианство не адаптировалась к местным реалиям. Подобный вывод следует

из трех явлений, применимых к возобновившимся попыткам распространить христианство на африканской земле. Так, европейские миссионеры не предпринимали шагов по переводу Библии или другой христианской литературы на местные языки. К этому добавляется тот факт, что иноземцы неоднократно вступали в вооруженные конфликты с коренным населением. Это вызывало отчуждение как от Португалии, так и от христианства. Как только португальцы стали терять контроль над своими африканскими владениями, утратилась координация между Ватиканом и торгово-морскими кругами Португалии. Тем самым появлялась возможность для восстановления позиций традиционных верований.

Археологические находки на побережье дают понять, что период португальского управления стал результатом перманентного упадка — как в экономическом, так и культурном отношении. Отныне больше не возводились ни дворцы, ни большие мечети. На местных рынках прекрасные фарфоровые изделия прошлого заменили дешевые аналоги, изготовлявшиеся на экспорт в Южном Китае [9, с. 315].

Положение на восточноафриканском побережье также усугублялось постоянным перемещением населения, не всегда носившим мирный характер. Общий упадок прибрежных городов стал удобным предлогом для нападения на некоторые из них со стороны соседей, относившихся к народностям банту и населявших внутренние земли Восточной Африки. Так, в 1587 г. народность зимба опустошила прибрежные города от Килвы до Момбасы. При разграблении Килвы, по сообщениям очевидца, было убито 3 000 жителей.

В путевых заметках португальцев фигурирует название одной из народностей банту — сегеджу, которая тогда населяла соседние земли с Малинди.

После разграбления Момбасы зимба направились в Малинди, однако в то время, когда они пытались осадить стены этого города, их разгромили сегеджу. Эта группа прославились этим военным успехом и своей храбростью на поле боя. Позднее правитель Малинди использовал сегеджу в качестве наемных

воинов, участвовавших в осаде Момбасы. Сегеджу удалось занять Момбасу и передать контроль над ней правителю Малинди, который пригласил своих португальских покровителей создать очередную базу на побережье, о чем упоминалось ранее.

Известно, что многие португальские экспедиции, ставившие целью обнаружение залежей золота и руд в государстве Мономотапа, проникали во внутренние земли Африки. По р. Замбези они перешли в глубинные районы и впоследствии соорудили в Сене и Тете сильные военные укрепления и торговые станции. Несколько дневных переходов отделяли Сену и Тете от столицы государства Мономотапа, которая в конце XV в. была перенесена на север. Ее правитель — мвене мутапа — опасался окружения португальцами его владений и в это же время стремился обезопасить себя от нападений с юга со стороны правившей в Зимбабве династии Чангамире. Как следствие, он за незначительное вознаграждение предоставил доступ в подвластные ему земли португальским торговцам и посланникам из двора короля в Лиссабоне. В 1570 г. португальская экспедиция отправилась по р. Замбези в районы рудников.

С начала XVII в. возрастала частотность контактов между португальцами и государством Мономотапа. В 1607 г. Гатси Русере (1596-1627 гг.), часто прибегавший к военной помощи португальцев в борьбе против Чангамире, отдал под их управление все рудники, где добывались золото, олово, медь и железная руда. Таким образом неуклонно увеличивалась зависимость правителя Мономотапы от Португалии.

В дальнейшем мвене мутапа наряду с вождями пограничных племен стал крайне обеспокоен распространением влияния португальских колонистов, имевших плантации в землях к югу от Замбези. Он предпринял против них карательный поход под предлогом прекращения выплаты земельной ренты. Однако в армию португальцев вошли многие африканцы, недовольные мвене мутапой. Объединенные силы нанесли поражение войскам мвене мутапы. Почти вся его знать была ликвидирована. Португальцы навязали преемнику

Гатси Русере — Ньямбу — неравноправный договор, по пунктам которого правитель Мономотапы превращался в вассала короля Португалии. Он также был вынужден даровать захватчикам права на добычу полезных ископаемых, обеспечить миссионерам свободный доступ в контролируемые им территории и изгнать арабских торговцев. В итоге, Ньямбу полностью утратил контроль над Мономотапой, поскольку ряд местных вождей окончательно вышли из его подчинения. Государство перестало существовать [7, с. 79].

Однако португальцам не удалось воспользоваться горнорудными богатствами. Африканцы засыпали рудники землей и уклонялись от работы на колонистов, переместившись в более глубинные районы. Как следствие, логистические сложности и неповиновение местного населения охладили интерес португальцев к эксплуатации природных богатств Мономотапы. Вдобавок ко всему, государство Чангамире, которые с 1684 г. неоднократно и успешно нападали даже на форт португальцев в Сене, в конце XVII в. захватило столицу марионеточного правителя Мономотапы. Им также удалось установить контроль над укреплениями португальцев, находившимися за пределами государства Мономотапа. Стоит добавить, что торговля слоновой костью перестала приносить доходы португальцам и сосредоточилась в руках народности яо [7, с. 79].

В то же время социально-экономические условия в самой Португалии не позволяли создать в Африке переселенческую колонию аналогичную той, что была у голландцев в Капстадте. Тогда же африканские владения португальцев отпадали одно за другим. У них оставались только немногочисленные опорные пункты на Замбези и несколько торговых факторий на побережье Мозамбика.

Имеющиеся ныне данные подводят к выводу, что богатство и процветание восточноафриканских прибрежных городов зависело от торговых путей, находившихся далеко на юге. Как следствие, торговля между прибрежными городами и их ближайшими соседями велась во внутренних районах, в частности на юге, где в 1616 г. португальский путешественник Гаспар Бокарро в одиночку осуществил пеший переход от Тете

на р. Замбези до Килвы.

После того как португальцы заняли низовье Замбези, торговцы, вышедшие из народности марави, которые ныне проживают в Замбии и Малави, обнаружили новые рынки сбыта для своих товаров в небольших портах Северного Мозамбика. Предметами торговли были бусы, изготавливаемые в городе Кхами и китайский фарфор, импортируемый через португальских посредников.

Уже упомянутый Гаспар Бокарро выпустил первый исторический отчет о марави. С последней связано существование королевства, которое в пик своего могущества в XVII в. включало земли районов проживания народностей Тонга и Тумбука на севере, территории до устья реки Шире на юге, местность в районе долин рек Луангва и Замбези, а также центральную часть побережья современного Мозамбика. Контроль над вождями и купцами, охранявшими торговые пути к побережью Юго-Восточной Африки и из него, осуществлял на протяжении многих лет под правитель по имени Калонга. Однако государство марави постепенно стало распадаться, когда португальцы подорвали авторитет Калонги, наладив контакты с правителями соседних государств, тем самым отрицая роль Калонги в качестве лидера в накоплении и перераспределении доходов.

Несмотря на то что рабы появились среди первых товаров, вывозившихся из Восточной Африки, главной и зачастую единственной целью европейских торговцев они стали лишь во второй половине XVII в., когда в Новом Свете стало развиваться плантационное хозяйство. Расцвет работорговли последовал в XVIII в. До середины XVII в. европейцы пытались обнаружить в Африке в первую очередь золото и слоновую кость, а также воск, камедь, перец, красители, страусиные перья и др. Африканцы же приобретали металлические слитки, ткани, огнестрельное оружие и соль. Эти товары попадали и во внутренние районы Восточной Африки посредством караванов. Стоит добавить, что европейские колонизаторы принесли в восточноафриканские земли такие сельскохозяйственные культуры как апельсин, лимон, кукуруза,

сахарный тростник, маниок и кофе.

История Восточной Африки в XVI–XVII вв. отмечена множеством восстаний против португальских колонизаторов. Население северной части восточноафриканского побережья пыталось сбросить оковы колониального правления португальцев. Неоднократно вспыхивали мятежи и другие акции сопротивления. Крупнейшее выступление под лозунгами возвращения к исламу и запрета деятельности католических миссионеров началось в 1631 г. в Момбасе. В ходе него жители города проявили особую смелость и решимость, несмотря на наличие мощной португальской крепости Форт Жезус. Подробное сообщение о происходивших событиях оставил анонимный автор итальянской рукописи «Рассказ о восстании Жерониму Чингулия, короля Момбасы». Жерониму рос под присмотром священников и монахов Августинского ордена. Король Португалии назначил его, как своего верного вассала, управлять Момбасой.

Неизвестный автор излагает события следующим образом: «Во время визита к коменданту крепости... король напал на него и завладел всеми ключами. После этого свита короля сняла португальских часовых. Со стен крепости король подал сигнал к восстанию... Когда португальцы увидели, что лишились своего военного оплота — крепости, они с чадами и домочадцами, захватив все свои драгоценности, продукты и оружие, бросились искать прибежища в августинском монастыре Святого Антония» [7, с. 80]. Мятежники захватили все местное португальское население, сожгли множество домов и убили монахов-августинцев, пытавшихся договориться с ними. Только тем, кто, подобно королю Момбасы, принял ислам, удалось спасти жизнь и имущество. Монастырь августинцев был подвергнут артиллерийскому обстрелу. Очень небольшое число португальских священников и купцов смогло эвакуироваться на остров Пате, откуда они доложили о произошедшем вице-королю в Гоа.

Тот сразу отправил карательный морской отряд — португальскую эскадру под командованием генерала де Мора. В январе 1632 г. она добралась до Момбасы, но попала под сильный огонь артиллерии и не смогла высадить

десант. В это же время начался период муссонов. Португальцы не могли вернуться в Индию, и они решили отступить к Занзибару. Кроме того, в Пате остались три португальских корабля, чтобы отсюда держать Момбасу под контролем.

Через год португальские суда снова подошли к Момбасе. Мореплаватели обнаружили, что Форт Жезус, как и сам город, были уничтожены. Оказалось, что правитель Момбасы с его большой армией, а также все городское население отступили со всем своим имуществом в глубинную часть Восточной Африки и перевезли туда артиллерию. С этих территорий совершались набеги на португальцев вплоть до 1637 г. Следует отметить, что правитель Момбасы заручился поддержкой турок в борьбе против португальских захватчиков.

Восстание в Момбасе, направленное против колониального господства португальцев, можно охарактеризовать особенностями, типичными для той эпохи. Вне всяких сомнений, оно предварительно было хорошо продумано.

Правда, имелись существенные просчеты в организационном плане. Так, население Манды, Пате и Пембы одновременно отказалось платить дань королю Португалии, тогда как остальные значимые города побережья не поддержали Момбасу в решающий момент. Также португальцам удалось воспользоваться междоусобицами среди арабо-африканской знати.

И разумеется, в очередной раз сказалось стратегическое и военно-техническое превосходство португальцев, прежде всего в управлении колониальными войсками. Несмотря на ряд успешных сражений, жителям Момбасы под конец не оставалось иного выхода, как бежать подальше от побережья, чтобы не попасться в руки мстительных португальцев.

В XVII в. новая оманская династия Йарубидов (1624-1744 гг.) бросила вызов гегемонии португальцев в Индийском океане. Сперва в 1650 г. имам Султан ибн Сайф (1640–1680 гг.) отбил у португальских захватчиков Маскат, а в 1660-х и 1670-х годах он атаковал португальские гарнизоны в Гоа и Персидском заливе [2, с. 1823-1824]. В переписке между доном Мануэлем Лобо де Силвейрой и одним из членов Временного правящего совета Португальской

Индии Антонио де Мело, датированной 8 декабря 1670 года, фигурируют сведения об «опустошении и разграблении арабами Диу, где его форт избежал цепких лап арабов только по Божьей воле» [13, р. 23].

В 1661 г. арабы, населявшие Момбасу, отправили депутацию в Оман с требованием оказать помощь в борьбе против португальцев. Султан ибн Сайф пошёл навстречу соотечественникам и отправил флот, который атаковал португальские позиции в Момбасе, Пате, Занзибаре и Мозамбике, что привело к всеобщему восстанию против европейских колонизаторов во всех прибрежных городах. Некоторое время португальцам удавалось усмирять восставших, но оманскому правителю все же удалось захватить Форт Жезус в Момбасе. Однако этот форт недолго находился в руках оманцев. Португальцы вернулись и отбили свои позиции в Момбасе, а с местным населением обошлись крайне жестоко [11, с. 284].

Португальцы на протяжении 37 лет сохраняли власть в Момбасе, пока этот город вновь не перешел к оманцам в 1698 г., благодаря усилиям и самоотверженности сына Султана ибн Сайфа — Сайфа — (1692–1711). Тот в 1696 г. осадил Момбасу и в декабре 1698 г. смог захватить форт Иисус. Также Сайф ибн Султан изгнал португальцев из Пембы и Килвы и вернулся в Оман, поручив управление восточноафриканскими городами знатным оманским кланам: род Мазруи контролировал Момбасу и Пембу, а род Набхани правил в Ламу и Пате. Таким образом торговля тканями, драгоценными металлами, пряностями, благовониями, слоновой костью и другими товарами перешла в руки оманских мореходов.

В 1727 году португальцы снова захватили Момбасу, но оманцы через два года восстановили контроль над городом. Однако португальские захватчики не имели намерения сдаваться. Они преследовали оманских купцов по всей акватории Индийского океана и закрыли для них свои порты. Подчеркивается, что непрекращающаяся война между португальцами и оманцами с 1650 по 1730 г. была губительным и затратным противостоянием для обеих сторон

[31, p. 153]. Впоследствии в XVIII в. позиции Португалии в Восточной Африке стали ослабевать, а к XIX в. единственным их оплотом колониальной активности в регионе был Мозамбик.

На протяжении всего XVIII в. почва из под ног португальцев стала уходить и в долине реки Замбези. Торговля в этом районе постепенно переходила в руки арабо-африканцев или индийцев. В начале XIX в. число местных торговцев, включая арабов и индийцев, не превышало 4 тыс. человек. Примечательно, что сложившиеся за века система обмена и ассортимент местных товаров не были пересмотрены. В район долины Замбези продолжали поступать все золото и вся слоновая кость Восточной Африки вплоть до её европейской колонизации во второй половине XIX в.

К середине XIX в., спустя 400 лет после начала колониальной экспансии, Португалии все же удалось избежать посягательств европейских держав на их владения в Африке и подтвердить свои права на последние в границах современных Анголы и Мозамбика. Данное явление было обусловлено внешнеполитическими обстоятельствами. Так, португальцы воспользовались соперничеством среди европейских партнеров. Для Великобритании, оказывавшей экономическую и политическую поддержку Лиссабону, Португалия служила буферной зоной при приобретении колоний в Африке и одновременно являлся весьма податливым союзником. После 1890 г. португальцы приступили к новому этапу управления колониальными владениями в Анголе и Мозамбике, где больше внимания стало уделяться развитию инфраструктуры во внутренних областях. Лиссабон сохранял контроль над этими двумя территориальными образованиями вплоть до 1975 года [7, с. 77].

Глава 4. Возобновление арабской активности в Восточной Африке под эгидой Омана (XVIII в.)

На рубеже XVII-XVIII вв. оманские правители в полной мере стали считать прибрежные города Восточной Африки объектом своих торговых и политических интересов. Такое отношение проистекает из военной помощи, которую оказывал Оман жителям восточноафриканского побережья в ходе их антиколониальной борьбы против португальцев. Вытеснение португальцев из Момбасы в 1698 г. ознаменовало переломный момент в развитии восточноафриканского побережья. Прибывавшие оманцы создавали поселения, разбивали плантации, а также вывозили рабов и слоновую кость в зону Персидского залива и более отдаленные моря. Возобновление бойкой торговли привлекло на берег Восточной Африки и индийских торговцев, которые обосновывались под опекой оманских гарнизонов и доставляли ткани и скобяные изделия для дальнейшей торговли с внутренними областями.

Постепенный закат португальской гегемонии в Восточной Африке поставил торговую прослойку оманского населения на путь политической и экономической трансформации. Это обстоятельство в дальнейшем превратило Оман в торгово-морскую империю, несмотря на активное противодействие со стороны персов и аравийских ваххабитов.

Возрождение прибрежных городов и старт торговли с отдаленными внутренними областями стали следствиями возросшей активности Омана в Восточной Африке в начале XVIII века. После закрепления восточноафриканского побережья за оманцами торговые потоки из внутренних земель стали все чаще поступать в Килву. Этот город вернул утраченные в ходе португальского правления позиции в торговле благодаря завоеванию Маскаренских островов Францией в XVIII веке. Оно вызвало потребность в рабской рабочей силе, которой как раз располагала Килва в значительном количестве ввиду налаженных торговых путей в рынки невольников, расположенных в глубинной части Восточной Африки [9, с. 327-328].

В Восточной Африке возможности для торговли во внутренних районах существовали с конца средневековья, но она стала регулярной лишь после усиления контактов между бантуязычными народами и жителями побережья во второй половине XVIII века.

В течение многих веков проживания в восточноафриканских прибрежных городах мусульманские торговцы, по всей видимости, не пробирались во внутренние земли региона. Ни их процветающая торговля с различными рынками Индийского океана, ни португальское вторжение в XVI в. не смогли заставить жителей побережья активизировать исследования внутренних земель в целях поиска дополнительных экономических ресурсов или новых политических союзников.

Вплоть до конца XVIII в. жители прибрежной части Восточной Африки имели очень мало общего с населением внутренних районов. Побережье относилось к остальной части континента только в географическом смысле. События в прибрежных городах не находили отражения во внутренних землях, да и жители таких городов как Момбаса, Килва и Занзибар, практически не интересовались происходящим в глубинной части Восточной Африки. Население побережье скорее ассоциировало себя с крупнейшими торговыми городами Индийского океана, нежели с африканским континентом.

Однако до начала XIX в. многие товары, экспортировавшиеся из портов Восточной Африки, поступали из внутренних районов. Вопрос транспортировки этих товаров на прибрежные рынки таит в себе много загадок и по сей день не до конца исследован специалистами. Допускается, что товары переходили из рук в руки посредством ряда действовавших торговых сетей, пока они в конечном итоге не доходили до получателей на побережье. К народностям Восточной Африки, которые выступали связующим звеном в торговле между внутренними районами и прибрежными купцами, по всей вероятности, относились яо на севере Мозамбика, группа народностей Миджикенда, проживавших неподалеку от Момбасы и зарамо на востоке Танзании. Отсутствуют подлинные свидетельства экспедиций прибрежных

жителей во внутренние земли. Инициатива вывоза товаров из этих районов или тех товаров, что были куплены у соседних народностей, по-видимому, полностью принадлежала населению глубинных территорий Восточной Африки [14., p. 272].

Тот факт, что жители внутренних земель не контактировали с прибрежным населением вплоть до второй половины XVIII в., можно в некоторой степени объяснить изменениями, происходившими в глубине региона. Период с 1500 по 1800 г. характеризовался интенсивным перемещением населения по всей Восточной Африке. Так, были заселены прежде необитаемые районы, возросло население ряда племен и появились новые государственные образования. До осуществления этих изменений трудно говорить о крупной торговле.

На северо-востоке Танзании миграция большого числа людей из степей гор Нгуру в горный массив Усамбара привела к возникновению государства Усамбара. Схожий процесс привел к образованию королевства Угвено в районе гор Норт-Паре и нескольких других раздробленных племенных объединений к югу от него. В период между серединой XVII и концом XVIII в. западная часть Танзании была заселена народностями кимбу и ньямвези, которые развили собственную социальную и политическую систему. Место их проживания получило наименование «регион нтеми». Также в это время имели место вторжения нилотов в районы Великих Африканских озер. К 1750 г. рост населения и создание ряда политических образований способствовали оживлению торговых путей и выхода последних к главным прибрежным городам.

Во многих районах Африки вопрос осуществления торговли в отдаленные направления требовал установления своего рода политической системы. Охота на слонов и торговля слоновой костью, равно как добыча и вывоз золота и меди, требовали совместного участия большого числа людей — как добытчиков, так и транспортировщиков. Для их продуктивной деятельности было необходимо поддержание порядка и безопасности вдоль торговых путей.

Эти базовые условия не могли обеспечивать иноземные координаторы трансконтинентальной торговли. Их были в состоянии выполнить только африканцы. Так, первоначальному развитию торговли в долине Замбези способствовало относительно быстрое обеспечение упомянутых условий со стороны правителей местных государственных образований.

Считается, что в XVIII в. ньямвези стали заниматься торговлей на большие расстояния. К началу XIX в. их торговая деятельность во внутренних районах простиралась до Катанги и современной Замбии. В это же время ньямвези открыли караванные пути к прибрежным городам. Принцы Мпалангомбе и Нгогоми, ставшие пионерами местной торговли, доставляли железо из родного королевства Усагузи для его дальнейшей продажи в районе Угого, расположенном неподалеку от столицы современной Танзании — Додоми. Считается, что они узнали о существовании Индийского океана, когда достигли района Узарамо, и решили увидеть его своими глазами. На побережье они обнаружили ткань и бусы. Там же Мпалангомбе и Нгогоми осознали, что слоновая кость является весьма ходовым товаром. Это путешествие открыло земли народности ньямвези для внешней торговли. С тех пор жители королевства Усагузи стали добывать слоновую кость с целью ее выгодной продажи на рынках прибрежных городов. Кафуку, сын вождя одного из владений народности сумбва, проживавшего в северо-западе от ньямвези, последовал примеру Мпалангомбе и Нгогоми и стал одним из первых торговцев своей народности, отправившихся на побережье [14, p. 273].

История восточноафриканского побережья в XVIII в. носила неоднозначный характер. Оманцам не удалось обосноваться в прибрежных районах и закрепить за собой позиции, захваченные у португальцев. Внутренние междоусобицы, борьба за трон и — что самое главное — персидское вторжение на территорию самого Омана ослабили его правящие круги и умили их стремления к экспансии в Восточную Африку. В марте 1737 г. шеститысячное персидское войско вторглось на территорию Омана. В 1737-1738 гг. персы сокрушили оманский флот под командованием

Абу ал-Араба ибн Химайра, а затем разграбили все аравийское побережье Персидского залива [12, р. 39]. Имам Омана Сайф ибн Султан на некоторое время стал вассалом знаменитого иранского правителя Надир-шаха Афшара. Позднее Абу ал-Араб ибн Химайр в потерпел поражение от персов в новом морском сражении и отказался от претензий на оманский престол.

Новая династия Аль Бу Са'ид, пришедшая к управлению Оманом в 1744 году и изгнавшая персидских захватчиков, столкнулась с непростой задачей по восстановлению позиций имама внутри страны. Следовательно, применительно ко второй половине XVIII в. не приходится говорить о господстве оманских купцов или переселенцев в Восточной Африке, являвшейся одним из главных пунктов эмиграции для оманцев. Тогда не шло речи о необходимости возобновления активности на восточноафриканском побережье ввиду отсутствия соответствующей воли у правителя и значительных ресурсов у Омана [17, р. 22].

Между тем арабо-африканское население, ведомое своей знатью, не было настроено гостеприимно по отношению к оманским переселенцам. Например, правитель Килвы не допустил появления у себя губернатора из Маската и оманского гарнизона, и в 1771 г. те были вынуждены чуть ли не бегством спастись из города. Только в начале XIX в. Килва оказалась под контролем оманцев, установивших свою власть и центр их восточноафриканских владений на Занзибаре.

В XVIII в. развитие прибрежных городов протекало по-разному. Момбаса и Килва переживали в это время хозяйственный подъем, тогда как Могадишо на северной части побережье превратился в центр переработки хлопка. Тем не менее, большая часть городов на побережья была не в состоянии достичь того расцвета, который они переживали с XII по XV в. Важно отметить, что они сохраняли социальные, правовые и особенно культурные традиции прежних городов-государств.

Необходимо отметить, что наместники султана в прибрежных городах

Восточной Африки вскоре стали более самостоятельными в принятии решений и перестали находиться под его опекой. Так, род Набхани в Пате и род Мазруи в Момбасе основали собственные династии. Со временем они укрепили свои позиции и объединились с местной арабо-африканской знатью. Однако координация совместных действий Мазруидов и Набханидов против оманцев была ослаблена ввиду их взаимных территориальных претензий и возникавших между ними междоусобиц. С 1750 по 1800 г. Мазруиды находились в разгаре своего процветания. Их сюзеренитет в течение многих лет признавали жители Малинди, Танги и Пембы. Только Занзибар оставался опорным пунктом Омана в Восточной Африке.

Несмотря на ситуацию в самом Омани, на рубеже XVIII-XIX вв. сложились три фактора, побудившие род Аль Бу Са'ид вновь обратить внимание на Восточную Африку: торговая экспансия Маската в регионе Индийского океана, отождествление интересов оманской знати и купцов из прибрежных городов Индии, а также возросшая колониальная активность западных стран, прежде всего Великобритании и Франции.

Важным аспектом, предопределившим три данных фактора, стали попытки установления контроля над восточноафриканским побережьем со стороны оманских переселенцев в первой половине XVIII века. За окончательным изгнанием португальцев в земли к югу от реки Ровума в 1728 г. последовали меры по закреплению властных полномочий на побережье за оманцами путём назначения губернаторов в такие города как Пате, Ламу, Момбаса, Килва и Занзибар.

На рубеже XVIII-XIX вв. оманское присутствие было заметно только в трех основных центрах: Момбасе, Занзибаре и Килве. Кроме того, Момбаса под управлением рода Мазруи продолжала сохранять автономный статус, что проявлялось в неповиновении ее правителей династии Аль Бу Са'ид, властвовавшей в столице Омана — Маскате [33, p. 211].

Глава 5. Установление прямого управления Омана над прибрежными городами Восточной Африки при Са'иде ибн Султане

Са'ид ибн Султан (1790-1856 гг.) — сеййид Маската, имам Маската и Омана, а также султан Маската, Омана и Занзибара — являлся одним из самых прославленных правителей в истории Омана. С его именем связана наиболее интенсивная фаза проникновения оманцев в земли Восточной Африки. Он правил Оманом с 1806 по 1856 г. Са'ид ибн Султан был благочестивым человеком и выдающимся последователем ибадитского течения в исламе. Ибадизм - это наиболее умеренная из четырех основных хариджитских общин [4., с. 81]. Данное течение проповедует возвращение ислама к своим истокам с упором на благонравие верующего, его положительные духовные ориентиры и терпимость ко всем иным вероисповеданиям.

Са'ид ибн Султан стал первым оманским правителем, который в 1832 г. перенес столицу из Маската на Занзибар [25, pp. 437-430]. Выбор Занзибара в качестве центра оманской активности в Восточной Африке был обусловлен благоприятными климатическими условиями острова, наличием глубокой гавани и относительного спокойствия в этом регионе [21, p. 94]. Эти положительные факторы стимулировали торговые начинания Са'ида ибн Султана на восточноафриканском побережье.

С 1832 по 1856 г. Занзибар был столицей обширной империи, включавшей Оман, остров Бахрейн, побережье Мекрана, некоторые районы вдоль северного побережья Персидского залива, остров Сокотра, острова Курия-Мурия, острова Занзибар и Пемба и прилегающие к ним порты восточноафриканского побережья от мыса Гвардафуй до района Кабо-Дельгадо.

После воцарения в 1806 году Са'ид ибн Султан предпринимал усилия по укреплению своего положения в Омани и зависимых от него азиатских землях. Лишь к 1814 г. он мог в полной мере посвятить себя активной деятельности в Восточной Африке. В его планах было использование доходов с торговли в прибрежных городах, которые могли бы реализовать его намерения по

созданию сильного морского флота. Первая возможность продемонстрировать оманские амбиции в Восточной Африке представилась во время конфликта между Момбасой и Ламу с 1810 по 1812 г. Род Мазруи атаковал Ламу после отказа его населения принять губернатора из Момбасы. Ламу смог одолеть объединенные силы Момбасы и Пате, но это не дало гарантий безопасности от нового вторжения Мазруидов. Следовательно, жители Ламу обратились к Са'иду ибн Султану с просьбой отправить наместника из Маската и оманский гарнизон для защиты города. Султан охотно выполнил их просьбу и в 1813 году закрепил за собой первую прибрежную базу, откуда и начался процесс восстановления позиций Омана в Восточной Африке.

В 1814 году после кончины губернатора Момбасы Ахмада ибн Са'ида Са'ид ибн Султан попытался восстановить главенство над родом Мазруи. Он потребовал очередного губернатора — Абдаллаха ибн Ахмада — прислать в Маскат традиционное подношение, с помощью которого все новые наместники признавали владычество Омана. В ответ Абдаллах отправил незначительный подарок, свидетельствующий о его неповиновении оманскому правителю [14, р. 274]. Са'ид ибн Султан не стал воспринимать этот шаг губернатора Момбасы всерьез, поскольку он имел дело с внутренними проблемами в Омане, которые отвлекли его внимание от Восточной Африки. К 1822 году ему удалось нормализовать ситуацию на родине. С той поры султан был готов предпринимать решительные шаги в отношении восточноафриканского побережья.

Так, с 1823 г. он стал отправлять военно-морские экспедиции, в ходе которых Момбаса неоднократно подвергалась нападениям оманского флота, где наиболее активную роль играли наемники-белуджи из армии Са'ида ибн Султана. Впоследствии военные акции оманцев пошатнули позиции рода Мазруи, который в свою очередь лишился поддержки местной арабо-африканской знати. Однако Мазруиды не стали сдаваться и обратились за помощью в борьбе против оманского султана к наиболее влиятельной внешней силе в регионе — Великобритании. Серьезность намерений продемонстрировал

готовность рода Мазруи встать под протекторат Британской империи [11, с. 383]. Об этом свидетельствуют переписка с английским губернатором Бомбея и прямые контакты с англичанами в 1824 году. Последние связаны с именем Уильяма Оуэна — капитана фрегата «Левен» (англ. «*Leven*»). Англичанин пошел навстречу просьбам главы Мазруидов и заключил с ним договор о протекторате. Английские моряки заняли Момбасу и ликвидировали местный рынок рабов, являвшийся одним из крупнейших на восточноафриканском побережье. Тем не менее правительство в Лондоне дезавуировало Оуэна и разорвало договор с Мазруидами, что вынудило англичан отплыть из Момбасы.

В 1826 г. Са'ид ибн Султан осуществил новый военно-морской поход против Момбасы, который стал результатом мирного договора. Однако его условия систематически нарушались родом Мазруи. Ответ Маската последовал в 1837 г. Оманцы воспользовались междоусобицами в роде Мазруи, захватив самых влиятельных его представителей и отправив их в ссылку Бендер-Аббас. Таким образом Са'ид ибн Султан положил конец правлению Мазруидов в Момбасе, которое длилось более столетия [26, р. 339-340].

Между 1820 и 1840 гг. под контроль Омана также подпали Пате, Ламу, Пемба и Мogaдишо. Одни города были подчинены силой оружия, другие — добровольно признали сюзеренитет Маската.

Установив свою власть в Момбасе, наместники Са'ида ибн Султана прочно обосновались в центральных и южных районах восточноафриканского побережья, а именно в Килве, Линди и Микиндани. Торгово-морскими базами оманцев также стали Танга, Пангани, Садани, Багамойо и Дар-эс-Салам.

При этом Са'иду ибн Султану требовалось учитывать ситуацию на международной арене. В конце XVIII в. Великобритания добилась качественного превосходства в бассейне Индийского океана и тем самым заняло место Португалии и Нидерландов. Что касается Франции, то после поражения наполеоновской армии при Ватерлоо в 1815 г. она была вынуждена на некоторое время отвести внимание от Восточной Африки.

Еще в 1783 г. Оман подписал договор с британской Ост-Индской компанией о торговле и дружбе, и с тех пор он стал иметь общие колониальные интересы с англичанами на восточном побережье Африки.

С одной стороны, оманцы рано оказались под британским контролем в контексте принятия решений, с другой — под защитой сильного английского флота, торгового и военного, они получили свободу экономических и политических действий в небольшой, но строго очерченной зоне. С начала XIX в. сферу своего влияния в этой зоне пытался создать молодой и энергичный Са'ид ибн Султан.

Правитель Омана рассматривал прибрежную часть Восточной Африки как место сосредоточения своих торговых интересов. Великобритания в свою очередь стала незамедлительно оказывать влияние на все действия оманцев на Занзибаре и на восточноафриканском побережье.

Закрепление за Оманом Занзибара, Пембы, Килвы, Момбасы и других прибрежных городов было обусловлено экономическими соображениями. Возросший в первой половине XIX в. спрос на слоновую кость в Индии, Европе и Соединённых Штатах, увеличение с 1810-х гг. продаж рабов, предназначенных как для местного плантационного хозяйства, так и для экспорта, а также снижение цен на основные статьи импорта и хлопчатобумажные товары — все это способствовало тому, чтобы торговля на восточноафриканском побережье приносила большую прибыль [17, р. 64].

Что касается оманских торговцев, то они в качестве товаров предлагали рабов, слоновую кость и гвоздику. В 1818 г. некий Салех ибн Хамед завез на Занзибар с Молуккских островов гвоздичное дерево. Так было положено начало выращиванию этой культуры, чему климатические условия на Занзибаре весьма благоприятствовали [7, с. 144]. Поддерживая постоянный контакт с султаном, оманские купцы в конечном итоге осознали необходимость интенсивного возделывания гвоздичных плантаций, которые в обозримой перспективе могли бы принести значительный доход. В этом отношении Са'ид ибн Султан поощрял расширение гвоздичных, а также кокосовых плантаций

на Пембе и Занзибаре.

С годами гвоздика стала одной из важнейших статей экспорта не только для Занзибара, но и для всех заморских владений Омана. К тому моменту, когда Са'ид ибн Султан перенес свою столицу на Занзибар в 1832 году, плантации гвоздики составляли основную часть оманских доходов в Восточной Африке и задействовали труд большого количества рабов. Этот тип хозяйства создал класс землевладельцев, в который первоначально входили по большей части арабские переселенцы. Но уже к 1860-м гг. состав помещиков пополнили выходцы из арабо-африканского населения и индийцы.

Са'ид ибн Султан наделил экономической и политической властью на Занзибаре и в некоторых прибрежных городах (с меньшим спектром полномочий) влиятельную феодальную знать из Аравии. Основу ее богатства составляли крупные землевладения, задействование труда значительного числа рабов и монополия на доходы от прибыльной заморской торговли. Стоит отметить, что у занзибарской знати рано появилось стремление сделать остров частью мирового рынка. Уже начиная с 1840 г., Занзибар приобрел большое значение для европейского и американского торгового капитала.

Очевидно, что главным источником доходов для властей Занзибара и Пембы служила дальняя торговля. Она достигла своего пика, после того как в 30-х годах XIX в. гвоздичные плантации стали давать первые обильные урожаи. Впоследствии Занзибар быстро превратился в ключевой центр торговли Восточной и Центральной Африки. Так, в 1859 г. он ежегодно экспортировал гвоздику на 50 тысяч фунтов стерлингов. Значительную прибыль также приносили копра, растительным смолы, слоновая кость и каучук. В отличие от торговли в прибрежных городах товарооборот Занзибара с самого начала происходил на основе денег. Здесь они заменили бусы и раковины каури, еще имевшие хождение в других территориях Африки.

В период правления Са'ида ибн Султана Занзибар стал главным мировым поставщиком гвоздики и обзавелся крупнейшим рынком рабов во всей Восточной Африке [18, р. 339]. Рабов, за исключением Занзибара и Пембы,

вывозили в Аравию, страны Персидского залива, Персию, Индию, на Сейшелы, на Коморы, на Мадагаскар, а также на о-ва Реюньон и Маврикий [15, р. 7].

Ряд исследователей склонны ошибочно полагать, что поворотный момент в развитии торговых связей Африки с остальным миром произошел в начале колониального раздела континента со стороны европейских держав, который датирован концом XIX в. [38, р. 23]. Однако во многих частях Африки издавна существовали и действовали различные торговые пути, и значительная часть из них выходила за пределы континента — а именно в Индийский океан, Средиземное море и Атлантический океан.

Согласно приближенным оценкам, в 1860-е гг. острова Пемба и Занзибар ежегодно принимали около 10 000 рабов. Последних отправляли в дополнение ко многим имеющимся невольникам на островах, которых экспортировали на заморские рынки, преимущественно арабские. Также было подсчитано, что в 1860-е гг. только на рынке Занзибара продавалось около 70 000 рабов в год, а самые большие объемы их вывоза датируются периодом после 1840 г. [23, р. 235]. Несмотря на то что эти цифры могут быть сильно преувеличены, они в любом случае являются свидетельством значительного трафика рабов.

Тем самым развитие плантационного земледелия на восточноафриканском побережье привело к резкому росту работорговли, который одновременно сопровождался частыми междоусобицами и постоянным перемещением различных племен по всему региону.

Существует информация, что к 1876 г. Килва получала доход в размере 120 000 фунтов стерлингов в год, а между 1869 и 1876 гг. ежегодные таможенные поступления в Занзибаре увеличились от 65 000 до более 100 000 фунтов стерлингов [23, р. 237].

С давних времен члены торговых общин, располагавшие контактами в различных центрах торговли Индийского океана, по ряду коммерческих, религиозных и политических причин перемещались из среды, где они были ущемлены в правах, в те районы, где к ним относились с большей благосклонностью.

В Восточной Африке образца XIX в. многие торговцы, обосновавшиеся на Занзибаре, имели оманское происхождение. Переезд некоторых оманцев был мотивирован желанием присоединиться к соотечественникам, уже давно проживавшим в Африке. Как и их предки со времен первых веков ислама, эти переселенцы со временем интегрировались в местное сообщество, которое по сути можно считать арабо-африканским.

В развитие данной темы резонно обратиться к труду оманского автора Реды Бхакера (Бакира) под названием «*Trade and Empire in Muscat and Zanzibar: Roots of British domination*». Его исследование затрагивает три значимые темы, которые сформировали историю Омана. Он отмечает: «Морская торговля, устройство власти в имамате и трайбализм - это три наиболее обсуждаемых вопроса в оманской историографии. В то время как очертания оманской племенной структуры, как и дальней торговли, предшествовали появлению ислама, трайбализм в своем окончательном варианте находился под сильным влиянием политических аспектов устройства имамата после зарождения ислама. Таким образом из трех вышеупомянутых основных составляющих истории Омана наиболее устойчивой и непоколебимой была морская торговля. Последняя имела более долгосрочный эффект в качестве общего плацдарма для экономического и культурного развития оманского населения» [17, р. 24].

Морская торговля - это явление, которое ломает географические и культурные барьеры и пересекает сложившиеся торговые сети и политические границы. В этой связи восточноафриканские города, контролировавшиеся оманцами и относящиеся к зоне Индийского океана, играли коммерческую и политическую роль в региональном или глобальном масштабе. Это зависело от политической ситуации в самом Омане и его взаимодействия с внутренними и внешними факторами.

Приток большого числа торговцев в морские города определенно требует безопасности и финансового регламента. Са'ид ибн Султан установил контроль над прибрежными торговыми путями и гаванями, безопасность которых обеспечивали военно-морские силы из Маската. На побережье были

унифицированы таможенные пошлины и валютный режим. Это нововведение позволило отменить прежние ограничения, связанные с наличием пошлин дискриминационного характера и хождением разных валют. Также была введена общая пошлина в размере 5% от стоимости товара, выплачиваемая индийским медными монетами [3, с. 2347].

Влияние морской торговли носило настолько значимый характер, что такой институт власти как султанат не смог бы закрепиться в Омане, если бы не последовало финансовой поддержки от оманских торговых кругов в начальном этапе действия этой формы правления.

Что касается экономических отношений между пришлыми оманцами и автохтонным населением, то последнее было практически бесправно и им манипулировали оманские торговцы. Подтверждениями этого являлись надменность оманцев по отношению к африканцам и безрассудная эксплуатация местных ресурсов со стороны пришельцев. Однако есть другая, положительная сторона оманского присутствия в Восточной Африке. Так, оно позволило увеличить производство товарных сельскохозяйственных культур, таких как гвоздика, которая, по некоторым данным, сделала Занзибар экспортером трех четвертей мировых запасов этого вида товара и продовольственных культур, таких как рис и кукуруза, которые позднее стали основными продуктами питания и источниками доходов для фермеров и торговцев [28, р. 171]. Коренное население в процессе подобного товарообмена было неравноправной стороной, чье участие в торговых сделках проходило на условиях, продиктованных оманцами.

Появление оманцев в землях Восточной Африки, вынося за скобки выращивание дополнительных плантаций и внедрение новых культур, принесло изменения в социальную структуру коренного населения. Так, образовались два класса — привилегированная знать и крестьянство. В число первого класса входили Са'ид ибн Султан и его соотечественники, а в составе второго были местные крестьяне, трудившиеся на плантациях, которые принадлежали пришлым оманцам. Подобное расслоение привело к возникновению социально-

экономической тенденции, где управление над коренным крестьянским населением, составляющим подавляющее большинство, осуществляется благополучным меньшинством, представленным оманской элитой.

Оманская знать владела крупными плантациями гвоздики, кокосовой пальмы и др. Земли, из которых были изгнаны африканцы, султан превратил в нечто вроде феодалов. Он раздавал их дворянам сначала пожизненно, а позднее на менее короткий срок и с правом передачи по наследству. Всего в восточноафриканских владениях Омана существовало около 200 крупных плантаций, на каждой из которых произрастало от 2 до 40 тысяч стволов гвоздики или пальмы. Нужно подчеркнуть, что крупнейшим землевладельцем Занзибара был Са'ид ибн Султан — ему принадлежало 45 плантаций. Впоследствии сложился слой торговых магнатов, извлекавших значительные доходы из плантаций и таможенных пошлин на ввозимые товары. Вобравший в свои ряды преимущественно оманцев, он возвышался над остальным населением ввиду концентрации земельных владений и богатств.

На крупных плантациях трудились тысячи рабов, транспортировавшихся главным образом из внутренних земель Восточной Африки. Они обрабатывали посадки гвоздики и кокосовой пальмы. На плантациях, урожаи с которых экспортировались на международные рынки, необходимое увеличение продуктивности не могло быть достигнуто путем роста производительности труда. Причиной этому были примитивный характер используемых технических средств и высочайшая степень эксплуатации рабской рабочей силы.

Примечательно, что отмена рабства и работорговли в Восточной Африке на рубеже XIX-XX вв. не гарантировала социальной мобильности. В то время как увеличивался классовый разрыв ввиду роста крестьянского населения, семена раздора и последующих потрясений во второй половине XX в. были уже посеяны [21, р. 94].

Во время своих путешествий в разные прибрежные города с 1822 по 1839 г. Са'ид ибн Султан еще сильнее осознал важность своих

восточноафриканских владений в контексте экономического процветания и роста политического веса Омана. Его прирожденная склонность к торговле позволила осознать сразу весь потенциал, который Восточная Африка открывала ему и его подданным. После переноса столицы в 1832 году из Маската в Занзибар султан предпринимал значительные усилия по активизации экономической жизни восточноафриканских городов.

Са'ид ибн Султан с самого начала своего правления отдавал себе отчет в том, что наличие капитала и грамотная организация финансов имеют критическое значение для продуктивной реализации его экономической политики. Памятуя общую неосведомленность оманцев в области экономики, султан пригласил индийцев из прибрежных городов заполнить пробелы в вопросах торговли и финансов в Восточной Африке. Правителю Омана были известны их способности в экономической сфере со времен совместной деятельности в Аравии. Как итог, приморские индийцы получили контроль над доставкой рабов на Занзибар, местной таможней и большей частью экспортно-импортной торговли восточноафриканского побережья.

Стоит заметить, что индийские торговцы крупного и среднего масштаба монополизировали куплю-продажу африканских и отчасти европейских товаров не только на Занзибаре, но и во всех основных приморских городах. Однако они делили это исключительное право вместе с оманскими и местными арабо-африканским купцами.

Дабы увеличить вложения в различные торговые начинания, Са'ид ибн Султан с помощью дипломатических рычагов обратился к обеспеченным индийцам с просьбой предоставить кредит оманским купцам, которые являлись соратниками султана. Индийцы просьбу султана выполнили: выделили средства для возрождения торговли в прибрежных городах. Важно уточнить, что получателями инвестиций были исключительно оманцы, тогда как африканцы составляли трудовую и эксплуатируемую часть населения Восточной Африки.

Данное обстоятельство вполне можно назвать преднамеренной уловкой, направленной на полное искоренение экономической инициативы среди

африканских жителей. К этому добавляется запрет на выдачу кредитов африканцам, а также сосредоточение местной экономики на производстве сырья и обеспечении дешевого рабского труда.

Таким образом в то время как индийцы оказывали финансовые услуги, зоной ответственности арабов были караваны, проникавшие вглубь Восточной Африки в торговых целях, а африканцы составляли эксплуатируемое и бесправное сословие местного населения.

До воцарения Са'ида ибн Султана в Восточной Африке действовали несколько индийских торговцев. Правитель Омана поощрял индийцев селиться в восточноафриканских городах, даруя им разного рода экономические льготы. Индийская община постепенно росла: от 2 000 человек в 1840 г. до более 5 000 в 1850-е годы.

Во второй половине XIX в. некоторые представители оманской знати дворяне были даже должниками индийских торговых компаний. Несмотря на свою важную роль в торгово-экономической жизни Восточной Африки, индийцы не придавали большого значения принятию политических решений. Вероятно, это было обусловлено некой обособленностью индийских купцов и финансистов от восточноафриканского населения. Накопив состояние в торговле на Занзибаре и других центрах Восточной Африки, они лишь стремились переправить свои капиталы в Индию или в другие страны, где проживали их соотечественники.

Са'ид ибн Султан также поощрял деятельность европейских торговцев. Французы незадолго до его правления вели активную торговлю рабами с восточноафриканским побережьем. Размах последней сошел на нет после заключения в 1822 г. соглашения Морсби между Великобританией и Оманом. По его условиям Са'ид ибн Султан запретил всем христианским купцам продажу рабов на территориях, подконтрольных Занзибару. Но вскоре торговые связи Занзибара с европейскими державами оживились благодаря развитию гвоздичного промысла. Са'ид ибн Султан стал охотно принимать европейских и

американских торговцев в своих восточноафриканских владениях. В 1833-1834 гг. он подписал договоры с США, Францией и Великобританией, которые позволили этим странам открыть консульства на Занзибаре с целью защиты интересов своих соотечественников [14, р. 276]. В 1830-х и 1840-х гг. на остров также прибыли консулы из Португалии, Италии, Бельгии, Германии и Австро-Венгрии.

Стимулируя интерес иностранных торговцев к Восточной Африке, Са'ид ибн Султан стремился разнообразить перечень товаров, которые Занзибар предлагал в экспортных целях. Желание реализовать данное намерение побудило оманского султана обратиться к внутренним районам Восточной Африки с целью задействования их ресурсов.

На побережье уже были выполнены многие задачи и налажены прибыльные сферы деятельности. Однако глубинные земли продолжали таить в себе много неизвестного, и задачами Са'ида ибн Султана были открытие данной части Восточной Африки для жителей прибрежных районов и её выведение из многовековой изоляции от внешнего мира.

Глава 6. Интенсификация деятельности оманцев во Внутренней Африке (XIX в.)

Географический аспект серьезно повлиял на экономическую, культурную и политическую жизнь оманцев в Восточной Африке. Наличие крупных судоходных рек и относительно современных судов предрасполагало оманских купцов к торговле - в том числе с внутренними районами, где распространялась их исламская вера и культура, а также обеспечивалось политическое главенство.

В начале XIX в. торговая активность оманцев пустила свои корни во внутренних районах Восточной Африки. Мусульманские торговцы с побережья при финансовой поддержке индийцев стали вести караваны во внутренние земли, дабы заполучить слоновую кость и рабов для их вывоза в дальние страны.

Несмотря на то что арабо-мусульманские купцы проникали во внутренние районы Восточной Африки после XII в., их регулярные появления стали иметь место только лишь в XIX в. с оживлением местных торговых путей [41, р. 7-8].

Оманцы задействовали пути, проложенные народностями глубинных земель в XVIII в. Так, сложилось три главных маршрута, по которым двигались караваны с разными.

Центральный, наиболее старинный путь, соединял район Мрима, располагающийся на северном побережье современной Танзании, с г. Табора. Отсюда пути расходились на север — в направлении озера Виктория и земель королевства Буганда и на запад — к Уджиджи на озере Танганьика. С конца XVIII в. связи по этим направлениям обеспечивали преимущественно купцы из народности ньямвези. Также они использовали южные дороги, которые соединяли Табору с районом Катанга и Замбией.

Северный маршрут начинался у окрестностей Килиманджаро и озера Виктория и доходил до Момбасы и Пангани. Там главным образом действовали торговцы из народностей джагга и камба.

Южный путь вел от южной части о. Ньяса до Килвы [32, р. 5].

Его, как и маршрут от Ньясы до королевства Казембе на о. Мверу, открыла арабским купцам народность яо.

В землях, по которым проходили эти маршруты, народности в основном занимались сбытом невольников. Однако поначалу основными товарами в местной торговле были соль, железные топоры и медь. Также исследования свидетельствуют о том, что в начале XIX в. из земель Восточной и Центральной Африки осуществлялась бойкая торговля с дальними странами. Активизация связей с прибрежными городами со стороны народностей кимбу и ньямвези вкупе с проникновением торговых экспедиций оманцев вглубь Восточной Африки привели к росту спроса на слоновую кость и рабов, доставлявшихся на заморские рынки.

На первых порах оманские караваны мирно заходили во внутренние земли. Торговцы платили достаточно большие пошлины местным правителям и обменивали оружие, порох и другие товары из Европы главным образом на слоновую кость. По договоренностям с рядом народностей оманские купцы и их агенты во внутренней части Восточной Африки разграничили обязанности местных торговцев и в обмен на свои товары получали от них невольников для транспортировки тяжелых грузов на побережье.

С 1820 г. торговые связи между прибрежными городами и внутренними землями, усиливавшиеся с каждым годом, стали переходить в руки оманских купцов побережья. Они установили собственную систему торговли, которая располагала торгово-военными базами и станциями. Имело место увеличение торговли на местах, расширились действовавшие торговые пути и резко возросло общее количество караванов с товарами, отправлявшихся в глубь материка.

Примерно к 1840 году оманские купцы стали более структурированно отправляться в глубинные земли Восточной Африки, прежде всего в районы проживания ньямвези, с целью основания рынков слоновой кости и рабов. Именно торговая деятельность народности ньямвези послужила толчком для

выхода самих прибрежных мусульманских купцов в глубинные земли региона. Вдоль новообразованных торговых путей стали появляться города, из которых ислам постепенно распространялся в самом сердце Африки страны.

Так, в Таборе и Уджиджи возникли арабские поселения. Английский путешественник Бёртон, побывавший в Таборе в 1850 г., писал о богатстве его оманского купечества. В этом городе также проживали индийские торговцы. Важно отметить, что после 1844 г. даже государство Буганда было вовлечено в торговлю оманцев с дальними странами [7, с. 148].

Степень господства Омана во внутренних районах по большей части определялась уплатой дани со стороны вождей местных племен и назначением наместников из Маската, действовавших, правда, весьма своеобразно. Однако оманское присутствие во внутренних землях Восточной Африки впоследствии стало результатом обращения в ислам народности яо, населявшей север Мозамбика, во второй половине XIX в.

К 1840-м годам объемы торговли слоновой костью и рабами стали стремительно расширяться. Этот факт является свидетельством активизации связей между внутренними землями и главными прибрежными городами.

С 1840 г. такие города как Танга, Садани и Багамойо приобрели особое значение — из них вглубь Восточной Африки выдвигались многочисленные торговые экспедиции оманских и индийских купцов. Тогда их число значительно возросло ввиду пика спроса на слоновую кость и другие товары, которые оманцы сбывали в Индию и Европу, и в частности на рабов, предназначенных для работ на плантациях Маската и всего Омана, а также Занзибара, Пембы и некоторых других прибрежных городов. Народностям внутренних земель привозили хлопчатобумажные ткани, железную и медную проволоку, ружья и порох — оружие пользовалось основным спросом. Жители глубинной части в свою очередь доставляли на побережье рога носорога, различные натуральные смолы и главным образом рабов. Стоит отметить, что весьма незначительная часть товаров оставалась в прибрежных городах. Последние после выплаты таможенных пошлин переправляли с помощью

индийских посредников на Занзибар и за океан.

Надо сказать, что торговля на дальние расстояния носила постоянный характер ввиду наличия слоновой кости и рабов. В этом контексте исследователь Кимамбо утверждает следующее: «Нет сомнений, что условия торговли на дальние расстояния как слоновой костью, так и рабами были весьма благоприятны для тех, кто занимался обслуживанием товаров. Длинные торговые пути расходились от таких прибрежных городов как Килва, Багамойо, Пангани, Танга и Момбаса к различным внутренним районам Восточной Африки. В результате к 1870-м годам значительная территория, включавшая в себя земли современных Танзании, Кении, Уганды, востока ДР Конго, севера Замбии, Малави и севера Мозамбика, обрела связь с Занзибаром, благодаря упомянутым выше пяти городам. Впоследствии она в разной степени стала частью международной торговли» [23, p. 237].

Ряд исследователей склонны обнаруживать схожие черты в торговле слоновой костью и работорговлей. Однако имеются и противоположные мнения. Например, тот же Кимамбо считает сходства в сбыте слоновой кости и работорговле преувеличенными. Он утверждает: «Существует тенденция рассматривать слоновую кость и рабов как взаимосвязанные статьи торговли, поскольку в большинстве случаев эти товары относились к одному и тому же региону, и труд рабов можно было использовать для перевозки слоновой кости. Однако значение подобной взаимосвязи было преувеличено. Очевидно, что в случае дальней торговли слоновую кость и рабов требовалось обменивать на иные товары, такие как ткань, канаты и бусы, которые также было необходимо перевезти, поскольку все они пользовались большим спросом. Гораздо более важная взаимосвязь основывается на том факте, что слоновая кость и невольники были частями международной системы торговли, которая отводила Восточной Африке второстепенную роль и оказывала влияние на ход местных торговых отношений в период, предшествовавший установлению колониального управления» [23, p. 234-235].

Однако подобные обсуждения меркнут на фоне катастрофических результатов, к которым привело увеличение спроса на рабов для их продажи в качестве рабочей силы на рынках прибрежных городов, Занзибара и самого Омана. Начиная с первой половины XIX в, оманские работорговцы пытались привлечь к своей коммерческой деятельности и охоте на рабов местных правителей. Оманцы снабжали их огнестрельным оружием и порохом, тем самым побуждая их к нападениям на соседние народности и к захвату военнопленных. Такой жестокий подход к ведению торговли во многих случаях приносил свои плоды. Однако оманские купцы порой сами отправляли вооруженные отряды за рабами и совершали набеги на африканские деревни. Ввиду этого крупные плодородные территории могли мгновенно превратиться в безжизненные степи.

В середине XIX в. усилилась торговля оружием. Десятки тысяч ружей обменивались на невольников. Огнестрельное оружие попадало в руки оманцев, охотившихся за рабами, и местных правителей, вооружавших свои отряды. В 1847 г. немецкий миссионер Иоганн Крапф заметил караван, следовавший из побережья в земли масаев. Он перевозил около 1 000 ружей, а сопровождали его вооруженные солдаты. Стоит добавить, что в 1883 г. правитель народности ньямвези, по сообщениям современников, имел в своем арсенале более чем 20 000 ружей [7, с. 148].

В этих обстоятельствах многим оманским купцам, промышлявшим охотой на рабов, удавалось призывать к себе тысячи африканцев в качестве рекрутов и с их помощью влиять на политику вождей некоторых народностей. Иногда складывалось так, что определенные торговцы даже обретали статус местных правителей и переставали подчиняться центральной власти, базировавшейся на Занзибаре.

Таким образом, к примеру, действовал Абдаллах ибн Насибу в государстве Уньямьембе, сперва сделавший состояние на работорговле и затем возвысившийся над другими оманскими купцами. В городе Уджиджи торговец Муиньи Хери, обладая хорошо вооруженным войском и подчинив себе

местного правителя, создал плацдарм, с которого успешно совершал набеги на африканцев, проживавших главным образом в районе нагорья Марунгу.

Султан Занзибара не пожелал мириться с таким раскладом. Он предпринял все усилия, дабы восстановить свою власть в Уньямьембе и Уджиджи, являвшихся стратегическими пунктами оманского присутствия в глубинной части Восточной Африки. Впоследствии в 1881 г. Муиньи Хери был вынужден поднять на своей территории флаг султана, что тем не менее никак не отразилось на его статусе автономного правителя.

Как уже упоминалось ранее, народность ньямвези была участником региональной торговли с XVIII в. и проложила пути для караванов на побережье в начале XIX века.

С начала XIX в. ньямвези представляло из себя хрупкое объединение, которое возглавляли правители нескольких вожеств. В нем первобытнообщинный строй по многим признакам достиг стадии разложения. Свидетельством этого являются наличие дружины, отделение торговли от сельского хозяйства, возникновение сословия торговцев, а также аристократии, реализовавшей свои экономические и политические цели.

Важно заметить, что к началу XIX в. народность ньямвези контролировала многие торговые маршруты. В их числе были те пути, что вели на север, к озеру Виктория, и на запад, к озеру Мверу в районе Катанга. Ньямвези также предоставляли носильщиков для караванов, выдвигавшихся из Центральной Африки и Буганды к прибрежным городам.

Положение знатной части ньямвези укрепилось благодаря доходным поступлениям от налогов и сборов за прохождение по разным частям торговых путей, а также от участия в торговле слоновой костью и рабами. Местные вожди осуществляли торговлю под свою ответственность и отправлялись в походы за слоновой костью и — по принуждению оманских работорговцев — за невольниками. В ходе данной деятельности они опирались на свои исключительные права и раннегосударственную систему управления. Вождь, имея возможность задействовать все возрастные группы, включавшие

трудоспособных молодых мужчин, и возлагать на жителей трудовую обязанность, существовавшую тогда в начальной форме, всегда располагал достаточным количеством носильщиков для караванов и сопровождавшей их охраны. Так, упоминавшийся ранее немецкий миссионер И. Крапф лицезрел караваны ньямвези из 200, а то и 500 и даже из 1 000 человек.

На севере государства ньямвези обстановка была исключительно мирной, что в первую очередь стимулировало торговлю. Власть вождя, с одной стороны, зависела от вольных людей народности, особенно солдат, которые давали разрешение на наследственное управление конкретного рода, а с другой — от раннегосударственной системы управления, являвшейся следствием политического могущества и богатства местной знати.

В середине XIX в. между ньямвези и оманскими купцами, которые проникали во внутренние земли из прибрежных городов, поначалу поддерживались миролюбивые отношения. Однако вскоре на смену им пришло открытое противостояние. Увеличивавшееся экономическое влияние оманцев и индийцев не коррелировало с интересами торговцев и правителей вождеств ньямвези. Необходимость противостояния оманско-индийской экспансии требовала учреждения раннегосударственного союза. Под воздействием данного аспекта и углубляющегося неравенства среди ньямвези имело место укрепление раннегосударственных институтов власти, начиная с середины XIX века. В частности, при правителях государств Уньямьембе и Урамбо Фундикире (1830-1848) и Мирамбо (1870-1886) союз родственных племен ньямвези и сукума переживал свой расцвет.

Мтиэла Касанда был известен как Мирамбо (1840–1884), что разные авторы переводят как «идуший по трупам» или «по бедра в трупах» [10, с. 81]. Он был правителем народности ньямвези и одним из самых влиятельных работорговцев в регионе. Мирамбо сформировал самое большое государство, существовавшее на территории Восточной Африке в XIX в. [36, р. 45]. На западе его власть распространялась почти до озера Танганьика, на севере – до озера Виктория, а на юге – вплоть до территории рядом с озером Руква.

В 1876-1880 гг. правитель ньямвези контролировал пути, ведущие на северо-запад, в Карагве и Буганду, и облагал пошлинами караваны, курсировавшие по этим маршрутам в Уджиджи. Стоит добавить, что он также управлял главными торговыми артериями Центральной Африки, по которым перевозили рабов и слоновую кость. Столицей государства Мирамбо был Урамбо, порой превалировавший над городом Табора, где основную роль играли арабы, а ньямвези были второстепенной группой.

Торговые связи с европейцами позволили правителю ньямвези закупить современное огнестрельное оружие и создать сильную армию, включавшую в свои ряды молодых воинов из числа беглых рабов, погонщиков слонов, носильщиков и военнопленных [20, р. 61]. Также Мирамбо установил свое влияние над рядом местных вожеств, ввел систему налогообложения и сосредоточил в своих руках ведение судопроизводства.

Негативные последствия повлекли за собой прямые или косвенные контакты, которые некоторые вожди установили с оманскими работоторговцами. Также они осуществляли набеги на соседние общины с целью захвата рабов и их дальнейшего обмена на огнестрельное оружие, перевозившееся из Занзибара. Примечательно, что сам Мирамбо переселял жителей побежденных вожеств в специальные «рабские» поселения, которые стали экономическим оплотом государства ньямвези.

С 1870 г. Мирамбо открыто боролся против власти оманцев в Таборе. Он неоднократно побеждал их в сражениях и договором от 1876 г. обязал их выплачивать ему дань. Можно констатировать, что правитель ньямвези активно сопротивлялся продвижению Омана вглубь Восточной Африки.

У Мирамбо был союзник — Ньюнгу-йя-Мавэ (н.д. - 1884), предводитель народности кимбу. Он захватил земли в районе современной области Сингида, которые в совокупности представляли из себя территорию, являвшуюся основным местом добычи слоновой кости, но разделенную на отдельные мелкие вожества [20, р. 64]. Ньюнгу-йя-Мавэ оспаривал оманское господство в Уньямьембе и на центральных путях торговли, что приходилось на то время,

когда Мирамбо укреплял позиции своего государства на севере. Как и Мирамбо, правитель кимбу вступал в противоборство с оманцами и держал под своим контролем некоторые местные торговые маршруты.

Между тем государством Уньяньембе с 1876 г. руководил вождь — Исике (н.д. - 1893 гг.). Подобно другим правителям региона, он стремился контролировать сбыт слоновой кости и рабов на центральном торговом пути. Правление Исике можно разбить на два этапа: первые годы характеризовались его стремлением закрепить власть на территории всего Уньяньембе и попытками ограничить роль оманцев в регионе, а с течением времени его положение внутри государства значительно упрочилось, и влияние было заметно на большей части западной и центральной Танзании. Уже в середине властвования Исике позиции оманцев в землях Уньяньембе были поколеблены, а оманскими торговцам приходилось платить большие сборы за наем носильщиков и проход караванов через территорию Уньяньембе.

Соперничество с арабами является причиной тому, почему Мирамбо состоял в хороших отношениях с действовавшими тогда европейскими миссионерами и исследователям, предвестившими подчинение Африки европейским колониальным державам. На первых порах ньямвези поддерживали немцев, проникших в регион под эгидой колонии Германская Восточная Африка. Жестокая природа немецких колонистов вскоре лишила их иллюзий, в частности кровопролитные акции, в результате которых в 1892 г. ньямвези были вынуждены покориться. Тогда немцы воспользовались центробежными тенденциями внутри союза вождеств ньямвези и путем ввода войск под предлогом защиты отдельных второстепенных вождей принудили правителя по имени Сике признать свое поражение. Так и пал раннегосударственный союз вождеств ньямвези на северо-западе современной Танзании [7, с. 151].

В период, предшествовавший колониальному порабощению Восточной Африки европейцами, народы региона находились на самых различных этапах общественного развития. В известной степени это обусловлено не только

разрушительными последствиями охоты оманских наместников и купцов за рабами, но и военными походами группы нгуни, осуществлявшихся с территории зулу. С 1835 г. нгуни, объединяясь со многими вооруженными воинами других народностей, переправлялись на другой берег Замбези. Одна часть войска оседала в районе современных Малави и Замбии, другая — с боями пробивалась к озеру Виктория.

Не только внешние факторы заставляли активизироваться народности, проживавшие в восточной части Африки. В XIX в. внутренние мотивы толкали многие из последних к тому, чтобы, ломая первобытнообщинные устои, создавать раннегосударственные объединения. Такие явления, правда в зачаточной стадии, имели место у кочевников-скотоводов масаев. Пастухи-масаи держали под контролем значительную территорию — от современных Кисуму и Найроби на севере до Аруши на юге. Стоит отметить, что территориальная организация подрывала родовой строй масаев. Кроме того, их регулярные военные походы и захватнические набеги имели своим следствием выделение частной собственности на скот, что привело к усилению имущественного неравенства. В то время масаи пока не преследовали целей по захвату чужих земель и рабочей силы из числа соседних народностей.

До второй половины XIX в. яо жили в районе к востоку от озера Ньяса. Знатные торговцы этой народности постепенно стали устанавливать власть над некоторыми территориями, в том числе посредством работорговли. Вероятно, что у яо до XIX в. не было собственных династий вождей. Однако они возникли ввиду перемен в экономическом устройстве народности. Так, самыми известными из правителей-основателей династий были Матака, Маканджила, Мпонда, Кавинга, Джаласи и Матипвири. Каждый из них приобрел власть и славу благодаря торговле и набегам, сохраняя при этом господствующее положение с помощью сильной дружины [16, р. 413].

Кимвери-йе-Ньюмбаи (н.д. - 1862 гг.) являлся самым известным вождем народности самбаа, обосновавшейся на севере нынешней Танзании (область Танга). В период его правления королевство Усамбара переживало свой

наибольший расцвет [20, р. 65]. Кимвери запомнился как самый могущественный правитель династии Килинди, поскольку ему удалось расширить владения королевства от горы Килиманджаро до прибрежного района между городами Танга и Пангани [24, р. 108]. С 1840-х гг. он начал соперничать с соседними вождями за порох и ружья. Часто в обмен на оружие и боеприпасы купцы самбаа продавали рабов из числа бунтовщиков, людей, обвиняемых в колдовстве, и военнопленных. Впоследствии Кимвери разрешил продавать соплеменников в рабство, в том числе за серьезное воровство [19, р. 56, 89].

Другим знаменитым вождем был Мквава, правитель народности хехе, населяющей современную область Иринга. Он был известен тем, что воевал против Мирамбо и Ньюнгу-йя-Мавэ, грабил оманских купцов, а также состоял в союзе с Исике [20, р. 57]. Однако прежде всего он прославился упорным сопротивлением немецким войскам, проникшим на территорию хехе в 1891 году. Армия Мквавы, оснащенная преимущественно копьями, а не огнестрельным оружием, несколько раз заставляла капитулировать немцев. В 1894 г. подверглась атаке столица Мквавы — Каленге. Также был взят форт, но правителю хехе удалось спастись невредимым и перейти к партизанским военным действиям. 19 июля 1898 г. немецкие солдаты нашли его убежище, и Мквава застрелился, чтобы избежать казни.

В течение XIX в. оманские торговцы из прибрежных городов Восточной Африки развили обширную сеть торговли по всем внутренним землям континента. Они как правило сбывали рабов и слоновую кость, которые поставлялись на Занзибар, а также в основные торговые города Индийского океана. В данной торговой сети были налажены караванные пути, соединявшие глубинные территории Африки с ее восточным побережьем и включавшие ряд фортов, поселений и факторий. Впоследствии местное население переняло обычаи и нравы прибрежных городов, такие как язык суахили, тип одежды, исповедание ислама, а также новые культуры и методы ведения сельского

хозяйства. Также оманские купцы учредили крупные рынки невольников и слоновой кости, в частности в г-х Касонго и Ньянгве, расположенном на реке Луалаба (современная ДР Конго).

Касонго представлял собой стратегический и коммерческий перекресток. Этот город с 1875 г. являл собой центр государства, которым правил один из самых авторитетных торговцев с Занзибара Хамад ибн Мухаммад ал-Мурджаби, более известный под псевдонимом Типпу Тип (1837–1905). Он был оманско-суахилийского происхождения. Ему удалось победить в сражениях с западными вождествами Увинза и Угалла (современные области Танзании — Кигома и Катави соответственно). Типпу Тип создал собственное торговое государство в восточном Конго. Занзибарец устранил всех сильных конкурентов и превратился в одну из наиболее влиятельных политических фигур региона [1, с. 1151]. «Типпу Тип пользуется внутри страны безусловной властью, которую поддерживают 3 тысячи его людей, вооруженных ружьями» — докладывал в 1886 г. своему правительству немецкий консул на Занзибаре [40, р. 43].

Примечательно, что местная оманско-суахилийская община поначалу не противилась европейским путешественникам, миссионерам, купцам и колониальным войскам, которые появились в это время в Восточной Африке. Так, в 1887 г. Типпу Тип заключил с Г. Стэнли договор (с согласия султана Занзибара — Баргаша ибн Са'ида и короля Бельгии — Леопольда II), который признавал первого губернатором большой области в Конго, расположенной близ водопадов Стэнли. Данное соглашение также предусматривало совместную работорговлю, осуществлявшуюся правда на принудительной основе и в интересах европейских колонизаторов.

Партнерство между Типпу Типом и европейцами было скоротечным. Берлинская конференция 1884 г. и развернувшаяся в 1880-1890 гг. кампания против рабства привели к бельгийско-арабской войне между армией короля Леопольда II и силами Занзибара-Маската. После победы колониальных войск в 1894 г. бельгийцы на территории Свободного государства Конго стремились

стереть следы оманско-суахилийского влияния, используя борьбу с работорговлей ради обозначения своих претензий на доминирование в регионе.

Таким образом, чиновники и купцы из прибрежных районов и азиатской части Омана утратили свои прежние позиции, равно как и отказались от своих претензий на управление внутренними землями Африки.

Глава 7. Установление независимости Занзибара и других восточноафриканских территорий от Маската и их переход под контроль европейских держав

Кончина в 1856 г. Са'ида ибн Султана, время правления которого стало расцветом обширной империи Омана на двух континентах, повлекла за собой вражду между его сыновьями, одному из которых, Сувайни (1856-1866), он оставил в наследство Маскат и Оман, а другому, Маджиду, (1856-1870) – Занзибар и остальные оманские владения в Восточной Африке.

После смерти султана Са'ида, его сын, Маджид отправил в Маскат посланца с письмами соответствующего содержания, адресованными старшим братьям. Прибыв в Маскат, гонец вручил все письма Сувайни. И тот, вскрыв письмо, предназначавшееся для него, и ознакомившись с печальным известием, некоторое время держал полученные им сведения в тайне от братьев.

Согласно завещанию, подчеркивавшему приоритет Маската над Занзибаром, Маджид был обязан ежегодно выплачивать Маскату 40 000 луидоров Марии Терезии. Однако в 1857 г. он объявил себя независимым правителем и отказался производить эти выплаты. Посредником в разрешении возникших разногласий между Маджидом и Сувайни выступил Мухаммад ибн Салим, племянник Са'ида ибн Султана. Впоследствии братьев удалось примирить. Маджид все-таки признал превосходство Сувайни и согласился платить ему 40 000 луидоров в год. Но в следующем году он снова прекратил выплаты и отказался признавать суверенитет Маската над Занзибаром.

Как итог, Сувайни велел готовить против своего брата военную экспедицию. Эскадра, выступившая в поход в 1859 г., насчитывала 10 кораблей и 2 500 солдат. Цель кампании заключалась в том, чтобы отвоевать Занзибар и отстранить Маджида от управления островом и другими оманскими территориями в Африке. Однако у мыса Ра'с-эль-Хадд эскадру Сувайни обнаружил посланец лорда Элфинстоуна, генерал-губернатора Бомбея, направленный им на паровом фрегате с письмом к правителю Маската и Омана.

Ознакомившись с содержанием письма Элфинстоуна, в котором он предложил Сувайни передать вопрос о его разногласиях с Маджидом на рассмотрение британского правительства, оманский султан решил отступить и вернуться в Маскат.

28 февраля Сувайни выдал полковнику Расселу, посланцу лорда Элфинстоуна, письмо со своим ответом на предложение лорда. Одобряя необходимость посредничества британского правительства, правитель Маската и Омана выдвинул ряд условий, с которыми англичане должны были считаться. Во-первых, Занзибар должен оставаться неотъемлемой частью оманского государства и находиться под управлением Маската. Во-вторых, Занзибару, согласно завещанию Са'ида ибн Султана и его договоренностям с Маджидом, требуется ежегодно выплачивать Маскату 40 000 луидоров Марии Терезии. В-третьих, в случае, если Оман окажется под угрозой со стороны внешних сил, то Занзибар будет обязан оказать ему всю возможную помощь. И наконец, Маджиду надлежит возместить все расходы Маската, связанные с организацией несостоявшегося похода на Занзибар.

В марте 1859 г., пытаясь избежать английского арбитража, представляющегося бесперспективным, Сувайни отправил на Занзибар своего кузена, Хамада ибн Салима. Он пробыл там пять месяцев, пытаясь убедить Маджида возобновить платежи Маскату и не допустить английского арбитража, угрожающего перспективой раздела крупного оманского государства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эти усилия не возымели успеха. Более того, Маджид сподвиг своего брата Турки, являвшимся правителем Сухара, напасть на Маскат.

Впоследствии ситуация в Омане накалилась до предела, и английский арбитраж состоялся. 2 апреля 1861 г. вице-король Индии, лорд Чарльз Джон Каннинг, обнародовал решение арбитража, тем самым дав правовую основу для территориального раздела оманского государства [2, с. 1785]. В соответствии с ним Маджид объявлялся правителем Занзибара и африканских владений своего

покойного отца, Са'ида ибн Султана. Арбитраж обязывал правителя Занзибара из династии Аль Бу Са'ид, в соответствии с предсмертным распоряжением его отца, выплачивать своему брату, Сувайни, «властелину Маската и Омана», 40 000 луидоров Марии Терезии в год. Данные выплаты носили характер компенсации за «самостоятельность на Занзибаре», но они не имели целью нанести «какой-либо ущерб полной независимости Занзибара от Маската». Маджиду также надлежало покрыть образовавшуюся задолженность по этим платежам за два года, в размере 80 000 луидоров. Стоит отметить, что впоследствии Маджид отказался от выплаты этой суммы, и предоставление «занзибарской финансовой субсидии» взяли на себя англичане в 1873 году [12, p. 125].

15 мая 1861 г. лорд Каннинг направил Сувайни и Маджиду письма следующего содержания. «Я полагаю, что решение арбитража, Вы оба сочли справедливым и достойным. И поскольку каждый из вас, все хорошо обдумав, согласился с моим арбитражем и официально уведомил меня об этом, то я полагаю, что Вы будете честно придерживаться вынесенных мной решений, которые вступают в силу незамедлительно».

Можно констатировать, что решения, вынесенные английским арбитражем, пошатнули как амбиции Сувайни, так и его статус в Омани. Но ему пришлось их принять, поскольку он в то время столкнулся с тяжелыми внутренними проблемами. Главной из них историки Омана считают мятеж, учиненный в Сухаре его братом Турки и сбор им племен для похода на Маскат, о чем упоминалось ранее. К другим внутренним вызовам относятся бунты жителей Нахля и племени бану йал са'ад, сопровождавшиеся убийствами губернаторов Нахля и Эль-Сувайка и захватами фортов в обоих городах [11, с. 406-407].

За исключением мятежей и бунтов, усугублявших обстановку внутри Омана, имелся также и ряд острых проблем в торговле, негативно отразившихся на финансовом благополучии страны. Так, значительно сократились торговые поступления ввиду конфликта с Занзибаром. Кроме того, Оман утратил

большую часть своего военного флота, а те торговые суда, что оказались во время кончины Са'ида ибн Султана на Занзибаре и в других оманских владениях в Восточной Африке, так и не были возвращены ввиду решительного возражения Маджида по этому вопросу.

Таким бесславным образом закончилась история обширной оманской империи на двух континентах. С тех пор Оман и Занзибар (с некоторыми территориями на восточноафриканском побережье) стали существовать как два отдельных государства.

В то же время европейцы стали постепенно заменять оманцев в качестве главных проводников внешнего влияния в Восточной Африке. Наиболее активными из них были англичане, которые в 1857 г. официально установили колониальное управление над Индией. Подданные британской короны продолжали поддерживать тесные отношения с правителями династии Аль Бу Са'ид в Маскате и на Занзибаре и после проведения арбитража в 1861 г. Через семь лет ибадитские религиозные круги организовали мятеж на территории Омана, свергли султана и заменили его лояльным имамом. Англичане посчитали новую оманскую власть фанатичной и враждебной своим интересам. Как следствие, в январе 1871 года совместные силы оманцев, аравийских ваххабитов и британцев ликвидировали имама и восстановили правление династии Аль Бу Са'ид. С того момента британское вмешательство в дела Омана стало весьма значительным.

Во время тех событий сын Са'ида ибн Султана, Баргаш, выступал против раздела большого оманского государства. Он разделял стремления ибадитов к праведному имамату и планировал свергнуть своего брата Маджида, правившего Занзибаром с 1856 по 1870 год. За излишне реакционную деятельность Баргаш был сослан на два года в Бомбей, где он кардинально изменил свои взгляды [22, р. 164]. Когда он сменил Маджида на посту правителя Занзибара в 1870 году, он провел масштабную программу модернизации, включавшую введение системы водопроводов и электроснабжения. Старт пароходного сообщения, ввод в эксплуатацию

телеграфной линии и открытие Суэцкого канала, имевшие место в период правления Баргаша, привели Восточную Африку к более обширным контактам с внешним миром. Стоит отметить, что армией султана Занзибара командовал англичанин сэр Ллойд Мэттьюс, а британский резидент сэр Джон Кирк был его партнером и доверенным лицом. Несмотря на фундаментальную зависимость Занзибара от работорговли, Кирк в 1874 году убедил Баргаша положить ей конец (хотя институт рабства существовал и в начале XX века). Англичанин также пообещал отстаивать интересы занзибарского правителя в Восточной Африке. В 1876 г. Баргаш совершил государственный визит в Великобританию, а также перед возвращением в Восточную Африку посетил Париж и Берлин. Однако в конечном итоге Великобритания, как и другие европейские державы, обманули доверие султана Занзибара.

В ходе «драки за Африку» ему пришлось уступить Танганьiku (материковую часть современной Танзании) Германии, Кению — Великобритании, а юг Сомали — Италии. За исключением владений Баргаша, Германия захватила Руанду и Бурунди, Бельгия — Конго, Франция — Мадагаскар, Коморские острова и Майотту, Великобритания — Уганду, Ньясаленд (позже Малави), Родезию (позже Замбию и Зимбабве) и Маврикий, Италия — Эритрею, а Сомали было разделено между Италией, Великобританией и Францией. Только Эфиопия при Менелике II смогла удивить мировую общественность, победив итальянские войска в сражении при Адуа в 1896 году. Она сохраняла независимость, кроме короткого периода (1936–1941 гг.), когда была включена в состав владений Итальянской Восточной Африки. В 1890 году англичане установили протекторат над Занзибаром. После поражения в Первой мировой войне Германия потеряла свои территории в Восточной Африке: Танганьика отошла к Великобритании, а Руанда и Бурунди — к Бельгии.

Заключение

С давних пор Восточная Африка известна своим благоприятным географическим положением, значительным количеством судоходных водоемов и плодородными почвами, стимулирующими большой потенциал для торговой и хозяйственной деятельности. Сочетание вышеперечисленных факторов в разные времена привлекало арабов, персов, индийцев и европейских колонизаторов сначала в прибрежную часть региона, а затем и во внутренние его земли.

Расширение коммерческих связей и закрепление в ряде районов оседлой культуры имели последствия, оказавшие положительное влияние на общественное развитие многих народов восточной части Африки.

Так, многовековое присутствие арабов оманского и йеменского происхождения положительно сказалось на экономическом благосостоянии местного африканского населения. Оно главным образом проявилось в оживлении местных рынков и во внедрении новых сельскохозяйственных культур. Торговля невольниками, слоновой костью, гвоздикой и шкурами животных процветала одновременно с началом возделывания кукурузы и риса на восточном побережье Африки.

Кроме того, активное взаимодействие с торговыми и культурными центрами Индийского океана, равно как приток разных национальностей в Восточную Африку придали региону весьма космополитичный характер. Совместная деятельность переселенцев заложила основу для развития таких городов как Могадिशю, Ламу, Малинди, Момбаса, Пемба, Занзибар, Килва, Мозамбик и Софала. Их расцвет пришелся на XIII-XV вв, результаты которого мы в настоящее время можем проследить по руинам величественных ранее зданий и археологическим находкам, имеющим зачастую заморское происхождение. Стоит добавить, что Момбаса, Занзибар и Килва обладали статусом городов-государств, и из них трех Занзибару довелось стать столицей большой морской империи Омана во время правления Са'ида ибн Султана.

В землях Восточной Африки появились и иные новшества, среди которых внедрение таможенных пошлин, задействие мусульманских правовых норм (в некоторых районах), поощрение практики инвестиций со стороны зажиточных индийцев, следование новым типам одежды, а также зарождение языка суахили. Все эти обновления приветствовались как местные группы африканского населения, так и иммигранты разных национальностей.

Необходимо также упомянуть, что торговая экспансия оманцев во внутренние районы Африки, которая активизировалась в XIX в. и была воспринята в штыки местным населением, служила своего рода стимулом к образованию ранних государственных объединений. Это главным образом относится к народности ньямвези, обосновавшейся в землях к югу от озера Виктория, что соответствует северо-западу современной Танзании.

Доподлинно известно, что проникновение купцов из Омана в различные части Восточной Африки, начавшееся после изгнания португальцев в конце XVII в., имело ряд негативных последствий.

Так, претворение в жизнь торговых инициатив оманского правителя Са'ида ибн Султана, в той или иной степени имевшее отношение к интересам европейских колониальных держав и давшее новый импульс институту рабства, с самого начала таило в себе реакционные черты. Оживление работорговли, охота за невольниками и обусловленные этим междоусобицы среди вождей глубинных земель Восточной Африки бесспорно угрожали самому факту существования различных народностей в регионе. Катастрофических результатов угнетения рабов избежали лишь те группы, которые благодаря своему уровню социально-экономического развития могли дать отпор пришлым оманским купцам или сами принимали участие в работорговле.

Вдобавок к этому, появление оманцев на восточноафриканской земле и установленные ими новые порядки низвели местных африканцев до неравноправных участников социальной, экономической и политической деятельности. Коренное население, по сути, составляло лояльную рабочую

силу, в то время как в решение их внутренних вопросов вмешивался султан Омана (с 1856 г. — султан Занзибара).

Таким образом зияющая пропасть между благополучием и безграничной властью оманских купцов вкупе с их индийскими финансовыми покровителями и жалким существованием африканцев стало предтечей всех революционных потрясений, охвативших Восточную Африку во второй половине XX в., в частности событий Занзибарской революции 1964 года.

Литература и источники:

1. Аль-Маусуа' Аль-'Уманийя [Оманская энциклопедия]. Министерство наследия и культуры. Маскат, 2013. Т. 3.
2. Аль-Маусуа' Аль-'Уманийя [Оманская энциклопедия]. Министерство наследия и культуры. Маскат, 2013. Т. 5.
3. Аль-Маусуа' Аль-'Уманийя [Оманская энциклопедия]. Министерство наследия и культуры. Маскат, 2013. Т. 7.
4. Ислам: Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
5. Бондаренко Д. М. Африка южнее Сахары во второй половине XV–XVII веке // Всемирная история. В 6 томах / под общ. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3: Мир в раннее Новое время. М.: Наука, 2013. С. 415–437.
6. Бондаренко Д. М. Черная Африка накануне прихода европейцев // Всемирная история. В 6 томах / отв. ред. П. Ю. Уваров. Т.2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. С. 770–783.
7. Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981.
8. Ибн Баттута. Подарок наблюдающим диковинки городов и чудеса путешествий. Путешествия по Золотой Орде и Средней Азии. URL: <https://yaaspirant.ru/> (Дата обращения: 26.05.2023).
9. Ольдерогге Д. А. История тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984.
10. Овчинников В.Е. История Танзании в новое и новейшее время. М.: Наука, 1986.
11. Сенченко И. П. Султанат Оман. Легенды, сказания и факты истории. СПб.: Алетейя, 2020.
12. History of the Imams and Seyyids of 'Oman by Salil-ibn-Razik, from A.D. 661-1856, translated from Arabic, London, 1986.

13. Portugal in the Sea of Oman. Religion and Politics. Research on Documents. Vol. 3. Ed. Al-Salimi A. and Jensen M. 2015.
14. The Cambridge History of Africa. Vol. 5 (fr. c. 1790 to c. 1870). Ed. Flint J. E. Cambridge University Press. 2004.
15. Alpers E.A. Introduction: Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa. Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa. Ed. Zimba B., Alpers E.A., Isaacman A.F. Maputo (Mozambique): Folsom Entertainment, 2005.
16. Alpers E.A. Trade, State, and Society Among the Yao in the Nineteenth Century. The Journal of African History. Vol. 10. No. 3. 1969.
17. Bhacker M. R. Trade and Empire in Muscat and Zanzibar: Roots of British domination. London: Routledge, 1994.
18. Collins R.O. The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands. African and Asian Studies. Vol. 5. Issue 3–4. 2006.
19. Feierman S. Peasant Intellectuals: Anthropology and History in Tanzania. University of Wisconsin Press, 1990.
20. Iliffe J. A. Modern History of Tanganyika. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
21. Imbua D. L., Onor S. O. and Odey P. O. A Companion to African History in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Makurdi: Aboki Publishers, 2017.
22. Ingrams W. Zanzibar: Its History and Its People. London: Stacey International, 2007.
23. Kimambo, I. N. “The East African coast and hinterland, 1845-80.” In General History of Africa-VI: Africa in the Nineteenth Century until the 1880s, edited by Ade Ajayi J. F., Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1989.
24. Lipschutz M.R., Rasmussen R.K. Dictionary of African Historical Biography. University of California Press, 1986.
25. Lorimer J. G. Gazetteer of the Persian Gulf. Vol 1. Bombay: British Government, 1915.
26. Miles S. B. The Countries and Tribes of the Persian Gulf. Vol. II, 1919.

27. Mukhtar M. H. "Islam in Somali History: Fact and Fiction," in A. J. Ahmed, ed., *The Invention of Somalia*, Lawrenceville, NJ: The Red Sea Press, 1995.
28. Oliver R. and Fage J. D. *A Short History of Africa*. Baltimore: PenguinBooks Ltd., 1962.
29. Pouwels, R. L. "The Medieval Foundations of East African Islam, 1," *The International Journal of African Historical Studies*, 11, 1978.
30. Reynolds D. W. "Swahili Ghost Town". *Archaeology*. Vol. 54. No. 6, November/December 2001.
31. Risso P. *Oman and Muscat: An Early Modern History*, London and Sydney: Croom Helm, 1986.
32. Rockel S. J. *Forgotten Caravan Towns in 19th Century Tanzania: Mbwamaji and Mpwapwa*. *Azania: Journal of the British Institute in Eastern Africa*. 2006 (1). Vol. 41. Issue 1. 2006.
33. Salim A. I. "The East African Coast and Hinterland, 1800-45." In *General History of Africa-VI: Africa in the Nineteenth Century until the 1880s*, edited by Ade Ajayi J. F., Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1989.
34. Sheriff A. *Localisation and Social Composition of the East African Slave Trade, 1858–1873*. *Slavery & Abolition*. Vol. 9. Issue 3. 1988.
35. Sheriff A. 'The Rise of a Commercial Empire: An Aspect of the Economic History of Zanzibar, 1770–1873', Ph.D. Thesis, University of London, 1971.
36. Unomah A.C. *Mirambo of Tanzania*. London: Heinemann Educational, 1977.
37. Van der Merwe W. J. *The Impact of Christianity and Islam upon Africa // South African Journal of African Affairs*. Vol. 4. No. 4, 1974.
38. Wallerstein I. "Africa and the World- Economy." In *General History of Africa-VI: Africa in the Nineteenth Century until the 1880s*, edited by Ade Ajayi J. F., Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1989.
39. Wilson T. H. *James Kirkman and East African Archeology // Paideuma: Mitteilungen zur Kulturkunde*, 1982, Bd. 28 / *From Zinj to Zanzibar: Studies in History, Trade and Society on the Eastern Coast of Africa*, 1982.

40. Loth H. Kolonialismus unter der Kutte. B., 1960.
41. Von Sicard H. Islam und Christentum in Ostafrika. Licht im Dunkel. Bethel bei Bielefeld, 1964.